

83.3(2-Р)
с 51

КР-1414759

АНДРЕЙ СМОЛИН

ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

**НАШЕ
ПОКОЛЕНИЕ**

Рецензенты:
учитель-словесник В.Старкова
член Союза писателей России Д.Ермаков

А.Смолин. ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ (размышления о судьбе и творчестве поэта). Вологда, “Наше поколение”, 2010.

Четвёртая книга вологодского литературного критика и публициста А.П.Смолина посвящена исследованию творчества известного русского поэта Владимира Кудрявцева, живущего в Вологде. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ОБ АВТОРЕ:

Андрей Петрович Смолин родился в Вологде 30 апреля 1959 года. С 1983 года работает в печати, был журналистом и руководителем ряда средств массовой информации. Выпустил три книги литературной критики и публицистики. Его статьи публиковались в журналах «Север», «Литературная учёба», «Пульс», «Мир Севера», в ряде литературно-критических сборников, в областных и центральных газетах. Он почти 20 лет постоянный автор газеты «Литературная Россия». Член Союза журналистов России с 1987 года, член Союза писателей России с 1997 года.

Андрей СМОЛИН

ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

Размышления о судьбе и творчестве поэта

Вологда
2010

* * *

Свои размышления о судьбе и творчестве русского поэта Владимира Кудрявцева, костромича по рождению, но давно живущего в древнем городе Вологде, начну, пожалуй, с довольно обширной цитаты.

Замечательный русский литературовед Вадим Кожин, характеризуя значение поэтического наследия Николая Рубцова, писал: «О народности того или иного поэта часто говорят, основываясь на тематических и языковых чертах его творчества — то есть на осваиваемом им «готовом» материале жизни и слова. Такая внешняя народность достижима без особого дара и творческого накала. Между тем народность Николая Рубцова осуществлена в самой сердцевине его поэзии, в том органическом единстве смысла и формы, которое определяет живую жизнь стиха. Дело вовсе не в том, что поэт говорит нечто о природе, истории, народе; сказать о чём-либо могут многие, и совершенно ясно, в частности, что многие современные поэты говорят о природе, истории, народе гораздо больше, чем Николай Рубцов. Дело в том, что в его поэзии как бы говорят сами природа, история, народ. Их живые и подлинные голоса естественно звучат в голосе поэта, ибо Николай Рубцов... был, по словам Есенина, поэт «от чего-то», а не «для чего-то». Он стремился внести в литературу не самого себя, а то высшее и глубинное, что ему открывалось»¹.

Заметили ли вы очевидную странность: всего лишь два предлога, не самые существенные части родной речи — «от» и «для» — определяют границу в понимании природы поэтического таланта. Но мы их подспудно держим в уме, читая стихи любого поэта. И более того, как бы примеряем ко всему творчеству данного стихотворца. А вот тут, быть может, и не нужна прямая категоричность Вадима Кожина. У любого состоявшегося поэта мы найдём стихи и «от чего-то», и «для чего-то». Вопрос для исследователя состоит в пропорциях этих «чего-то».

Скажем, и у Николая Рубцова на начальной стадии было много стихотворений явно ученического плана, то есть «для чего-то», хотя бы обретения поэтического опыта. Только в поздних его стихах появляется вся мощь поэтики, весь идейно-образный смысл его творчества, который и поставил его в ряд крупнейших поэтов ушедшего двадцатого века. Впрочем, и наступившего тоже (имя сопоставимое по уровню – Юрий Кузнецов).

Не сочтите за бестактность, что взявшись писать об одном поэте, я начал с других имён². Как раз этими именами, ставшими символами целой поэтической эпохи, хотелось сразу поднять уровень разговора о судьбе и творчестве Владимира Кудрявцева, который, как заметил поэт Александр Романов: «Русскую боль не только слышит – в себе несёт Владимир Кудрявцев... Он идёт тем же самым путём, которым задолго до него прошли в наших местах Клюев, Ганин, Яшин, Рубцов. В этом смысле в Вологде не только молодым авторам, но и опытным мастерам нелегко утверждать свою стезю в русскую поэзию. Уж очень высоко предшественники наши подняли мужество и силу поэтической правды. Но Владимир Кудрявцев не робеет, идёт этим же путём...»³.

Как видим, опытный и искушенный в поэзии Александр Романов тоже не избегает значительных имён. И почти не сомневаясь, ставит имя Владимира Кудрявцева рядом с ними. Полагаю, он сделал это преднамеренно. Всегда важна определённость в наследовании поэтом той или иной традиции. Поэзия не рождается на пустом месте. И если вдруг так случается, то мы только разводим руками: что-то в этом «поэте» не так, что-то он пропустил в своём личностном развитии. К сожалению, новый век таких примеров даёт множество, особенно, среди начинающих стихотворцев.

Владимир Кудрявцев к их числу явно не относится. Почти сорок лет он работает в русской поэзии. И как раз важно, что, меняясь мировоззренчески, он не изменил своему начальному посылу историзма и народного самосознания в своей поэзии, ради чего, собственно, и пришёл, надо полагать, в русскую литературу...

Нет сомнения в том, что о каждом истинном поэте можно утверждать, что он – «эхо» своего времени. А.С. Пушкин сказал ещё определённой:

...И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа...

Как ни банальна эта метафора, но в ней сокрыта непреклонная суть поэтического творчества. Ибо поэт не летописец, не журналист, не историк. Лишь стихотворцу подвластен инструментарий такого отражения самой жизни, который недоступен ни в какой иной сфере умственной деятельности. «Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто...» – об этом же говорит и Николай Рубцов. Впрочем, звуки, гул, ритм, трепет жизни, как впрочем, и краски, и запахи, и чувственные настроения, и состояния души – могут быть необыкновенно разнообразными, но всё равно п е р в о р о д с т в о их принадлежит поэзии, как высшей форме бытования любого языка.

А чтобы верно судить о творчестве поэта, необходимо найти три первоначальных условия его творческого развития. Во-первых, надо знать, где и как прошла пора становления личности стихотворца, где искать истоки его миропознания. Ясно, что человек, впитавший в себя русскую сельщину в раннюю пору жизни, будет значительно отличаться, скажем, от подростка городского, которому доступна по большей части культура книжная, чем прямые впечатления самой жизни и природы.

Во-вторых, важно понимать к какому народу принадлежит данный поэт. Истинно национальный поэт всегда интересен миру, ибо каждая нация и народность неповторимы и своеобразны. Если поэт точно и многогранно отражает сущность своего народа, то это его большое личное достижение, его вклад в общую культуру мира.

Ну и, в-третьих, необходимо точно представлять ту эпоху, в которой поэту досталось жить. Меняются исторические условия, идеалы, традиции, мода, наконец, но каждое в р е м я вносит в мировую историю и культуру свои неповторимые знаки.

Оговорюсь, что эту триаду я парафразирую вслед за замечательным поэтом и писателем Владимиром Солоухиным. Это стержень для размышлений о судьбе поэта, а потом уже начинаются литературные изыски, которые только расширяют и углубляют понимание з н а ч е н и я и м е с т а любого художника в контексте всей культуры.

* * *

Исследователи по-разному относятся к изучению биографии писателей. Одни литературные критики считают, что судьба поэта только в его стихах. Другие не исключают и биографического подхода к объяснению творческого процесса художника слова.

Я убеждён, что незнание жизненного пути конкретного литератора часто уводит критика (да и читателя) от истинного понимания сути достижений данного писателя. Тем более, что сам Владимир Кудрявцев не избегает известной толики «автобиографизма» в своих стихах.

Итак, Владимир Валентинович Кудрявцев родился в крошечной деревеньке Попово Костромской области, 13 октября 1953 года. Деревни Попово на русской земле уже нет, как и многих тысяч других подобных деревень. Он и по отцу Валентину Никифоровичу, по и матери Алевтине Михайловне (в девичестве – Соколовой) – продолжатель больших, типичных для русской деревни, крестьянских родов.

Вот тут давайте остановимся. Как часто за анкетными данными, мы не стремимся увидеть истоки не только биографии, но и души поэта. Нет, понимание важности этих моментов есть. Например, несуществующая уже деревня Попово по-прежнему... жива, «занесена» в реестр существующих. Она теперь в стихах Владимира Кудрявцева, как своеобразный памятник ей. (К слову, поэт собирается на её месте поставить настоящий памятник, камень-валун с соответствующей надписью. Такой мы знаем на месте деревни Коншино Сокольского района Вологодской области, родине поэта Алексея Ганина.)

Но вот стихи:

Я родился в деревне Попово.

Здесь родная моя сторона.

Если что и осталось святого

В этой жизни – так это она.

Где всего метров триста до леса.

А за лесом край русской земли.

Но и здесь достиженья прогресса

По земле и по душам прошли...

Посмотрите, Владимир Кудрявцев закладывает «родовой» код в свою поэтическую судьбу. Он «просто» информирует о факте своего происхождения, даже не придавая ему излишней эмоциональности. (Сравним, к примеру, с Николаем Рубцовым: «Люблю я деревню Николу!..») А вот «достиженья прогресса» надо бы поставить в кавычки, они у поэта несут отрицательный смысл. Хотя не эти самые достижения, конечно, всему виной, а их применение в практике жизни, если можно так сказать, которые обрушили крестьянский мир русской деревни.

Ещё заметим, что «зеркальность» этих двух строф, где выражена теза: «родная сторона», что и «осталось святого», понятно, в душе, противопоставляется антитезе – этим самым «достижениям прогресса», которые разрушительным катком «по земле и по душам прошли». Мне кажется, что по такому признаку мы можем считать это, скромное, на первый взгляд, стихотворение одним из программных в творчестве Владимира Кудрявцева.

Хотелось бы теперь обратить внимание и на дату рождения Владимира Кудрявцева –1953 год... Поэт и сам напоминает нам об этом в одном из своих стихотворений:

За окнами шёл тихий дождь...
Родился я в крестьянском доме
В тот год, когда оставил вождь
Скорбящий мир на переломе.

Я мир застал не в лучший час,
Но мы не выбираем время.
Оно подхватывает нас,
Как ветер – вызревшее семя⁴.

У всех, кто признаёт генетическую память в исторической перспективе (и вглубь веков, и в будущее), этот год в русском (советском) летоисчислении должен вызывать несравненную гамму всяческих раздумий. (Напомню, это год смерти Сталина.) И не только о «перегибах» или «репрессиях», на мой взгляд, преувеличенных недобросовестными толкователями нашей истории, такими как Н.Сванидзе или Э.Радзинский.

Здесь мы должны поразмышлять о самом важном итоге жизни И.В.Сталина. А ему довелось, практически в одиночку, борясь с «местечковым» мышлением «вершителей» революции 1917 года вроде Троцкого и Свердлова, их последователей и адептов, возродить в России высокий державный дух, можно даже сказать – русский дух! – особенно укрепившийся в нашем народе после Великой Победы 1945 года.

(В бывших наших республиках та же тенденция: возрождалось, часто принимая радикально-националистические формы, своё самосознание, что не в последнюю очередь и привело потом к распаду великой державы.)

Другим достижением Сталина, к сожалению, активно замалчиваемым, надо признать (может быть, теоретически и не обоснованное им), скажем так, выдвигание на первые

роли выходцев из крестьянского сословия, хотя это безусловное достижение и той социальной формации. (К концу жизни он понял всю продажность «старой ленинской гвардии».) Именно при нём вчерашние крестьянские дети, поднявшиеся из самым глубин жизни, во многом сохраняя основные ценности своего сословного миропонимания, вышли к самым вершинам власти, науки, производства, искусства.

Началось всё с военных, такова была международная обстановка (ярчайшие примеры – Георгий Жуков или Иван Конев), но потом перекинулось и на власть (не будем забывать, что даже Горбачёв, Александр Яковлев и Ельцин – тоже выходцы из русской деревни, хотя и своеобразные «выкресты» её).

Ну, а больше всего это «движение» проявилось в русской литературе, когда в ней активно стали работать Твардовский, Яшин, Шукшин, Белов, Абрамов, Астафьев, Тендряков, Рубцов, Солоухин, Евг. Носов, Вампилов, Ст. Куняев, Лихоносов, Проскурин и много-много ещё кто крестьянского же происхождения.

А возьмём первый отряд космонавтов! В нём все – крестьянские дети: Гагарин, Титов, Николаев, Терешкова, Беляев, Леонов, Береговой... В науке, скажем на первую прикидку, это Ильюшин и Туполев...

Как видим, это только «знаковые» люди своего времени! Но и на иных уровнях жизни это проявилось ещё более целостно и тотально, что очевидно свидетельствовало о смене расклада сил в верхах общества против 1920-30-х годов.

Владимиру Кудрявцеву за подобным примером далеко ходить не надо. Его отец, Валентин Никифорович Кудрявцев, поначалу медник с семьёй классами школы в сельской МТС (машино-тракторной станции), сумел за довольно короткий срок (в этот срок входит и пять с половиной лет службы на Тихоокеанском флоте!) стать директором совхоза, а потом председателем райисполкома. И если бы не подорванное сверхнормативной работой здоровье, ещё неизвестно каких бы вершин во власти он смог бы достичь, а потенциал, конечно, для этого был.

Да и поколение самого поэта Владимира Кудрявцева (переходя на частности, например, на литературу Русского Севера) это тоже почти сплошь крестьянские дети, правда, чаще всего, уже вышедшие из деревни навсегда.

Так мы получили значительные движения «государственников» и «почвенников» и в общественно-политической жизни, и в идеологии, и в искусстве, чьи идеи значительно

усиливались возрождающимися тогда православными и общинными ценностями. Эти «движения», стихийно оформившиеся в солидную силу к концу 1950-х - началу 1960-х годов, и составили по преимуществу бывшие «крестьянские дети». (Противостояли им «западники» и так называемые «шестидесятники», тоже, к сожалению для страны, воспрянувшие после смерти Сталина, но идущие куда более сплочённой фрондой.)

Особенности этого противостояния, вероятно, изучаются недостаточно⁵. Но то, что оно значительно повлияло на историю нашей страны, не вызывает сомнения. И, конечно, отразилось на идейно-нравственных взглядах последнего массового поколения «крестьянских детей» тоже...

Что вы там такое говорите? – спросит неподготовленный читатель. Мог ли «младенец», да даже и школьник, быть в курсе таких сложных явлений идейно-политической жизни. До конца утвердительно мы этого не скажем.

Но, во-первых, отец будущего поэта заканчивал всё-таки «идеологический» вуз – Высшую партийную школу, а там хотя бы полунамёками или «эзоповым языком» такие темы наверняка дискутировались, эпоха была сверхполитизированной. Да и не могли они, «дети деревни», по сложившейся традиции, не думать: какую страну они оставят после себя детям-внукам-правнукам! Это у них, безусловно, как говорится, было в «крови» и родовой памяти...

Во-вторых, по воспоминаниям школьной учительницы Владимира Кудрявцева, в отрочестве он много читал и, понятно, мог интуитивно выйти на широкие размышления о

б у д у щ е м страны, о роли крестьянства в судьбе России. Во всяком случае, в поэзии он выражает многие идейные установки «почвенничества», а в публицистике и «государственника», безусловно, на современном уровне знаний и личного опыта, с учётом новейшей истории России.

* * *

Тут можно бы перейти к теме «самовоспитания» таланта. Поэзия Владимира Кудрявцева даёт для этого основания. Остановимся ещё на одной особенности истоков биографии поэта. Дело в том, что довелось ему родиться в местах достопамятных для русского человека. Связаны они с легендарным именем Ивана Сусанина. Но не только: в той же округе находилась и семейная вотчина матери родоначальника династии государей российских Романовых – Михаила, во имя которого и совершил свой подвиг простой крестьянин Иван Осипович Сусанин.

Опять-таки можно говорить о случайности совпадений, но факт остаётся фактом: один из истоков новой государственности после Смуты и подвиг крестьянского сына случились в округе радиусом не более десяти верст. В этот радиус попадает и родная деревня поэта – Попово.

...И Владимиру Кудрявцеву (об этом можно узнать из его стихов), и мне довелось увидеть много литературных либо просто памятных мест в России. И кого, например, не поразят несказанно-сказочные красоты Бобришного Угора Александра Яшина! Или вид на Оку от села Константиново Сергея Есенина!.. Или в целом незатейливый, но удивительно милый пейзаж на речку Толшму из окон бывшего детского дома села Никольское Николая Рубцова... А что говорить о пушкинском Михайловском?..

Вот и я, стоя на вершине «сусанинского» холма, ощущал озноб от потоков холодного воздуха, идущих из огромного болота, на котором и совершил подвиг Иван Сусанин. Я слышал редкие крики ворон и сорок, думал о том, что и эти самые места должны были найти своего певца.

Какой родной и необычный пейзаж открывается взгляду: низкое небо в лохмотьях дождевых туч, далеко внизу – огромная скатерть зарастающего серо-бурого болота. Смотришь и понимаешь, как меняет оно свои цвета и освещенность в разные времена года. А совсем-совсем далеко, кажется будто уходящие за горизонт, темнеют зелёные кромки сосновых или еловых чащоб. Так и представляешь их непроходимость, как и во времена православного «христьянина»⁶... Такой пейзаж должен вызывать поэтический восторг своей объёмностью перспективы, что крайне важно для истинного поэта.

Тут, кстати, можно показать, как решает «композицию пространства» Владимир Кудрявцев⁷. Возьмём такое стихотворение, одно из лучших в его «пейзажной» лирике⁸:

Посмотрю направо – перелески,
Погляжу налево – тёмный лес.
Подниму глаза – увижу фрески
В куполах заоблачных небес.

За рекою холм с ржаною чёлкой,
В зарослях ольховых берега.
Лента тёмно-жёлтого просёлка
Вплетена в зелёные луга...

Обратим внимание, как фокусируется взгляд читателя.

Направо-налево – панорама действия, потом взгляд вверх – в небо, потом горизонтальная плоскость, но уже с элементами движения – речка (это, кстати, взгляд вниз), понятно, «течёт», а дорога, хотя бы метафорически, всегда «убегает». Тут наш взгляд от себя вдаль, своеобразное «оживление» картины... А какая чудесная инструментовка звуками, например, в строке – «За рекою холм с ржаною чёлкой...» с ассонансами на «а», «о», и с аллитерациями на «р», «к», за которыми обнаруживается и удивление от неожиданного вида природы, и восторг от красоты вселенского пространства, одного из самых распространенных образов в русской поэзии.

Горизонт с подпалинами леса
Обрамляет край, в котором я
Слушаю торжественную мессу
Золотой листвы и журавля.

В этой строфе очень интересное соединение «видовых» и «звуковых» понятий. Поэт не только видит, но и слышит шелест падающей листвы и курлыканье журавля, и мы об этом догадываемся. А взгляд наш от «горизонта» возвращается к «листве» (даль-близь), и уходит вверх к «журавлю». Даже в одной строфе создаётся весь трёхмерный объём.

На угоре вспыхнули осины.
Заискрили листья на стерне.
И одну другой чудней картины
Пишет осень, посвящая мне.

Я один, случайный их ценитель,
Здесь, где только птицы и зверьё,
Да ещё безмолвная обитель,
Богу отслужившая своё...

Как видим, «пейзаж» не самоцель для поэта. В идейно-образном плане данного стихотворения переплетаются две темы. Одна – отторжение современного человека от природы, от её божественного начала, а на это указывает самоопределение «зрителя», как «случайного ценителя». Вторая – запустение некогда обжитого места, раз есть «безмолвная обитель», надо полагать часовня или келья старца, но заброшенная, и даже, быть может, поруганная варварами нового времени... Усилением темы божественного начала природы является «закольцовывание» в первой и пятой строфах «фре-

сок» и «безмолвной обители», а в третьей - усиление пусть и чужеродным словом «месса» – понятий религиозного свойства.

...Но вернусь к себе и к «сусанинскому» холму, на вершине которого я однажды зачарованно замер. И к восторгу от картины костромской природы добавлялось, естественно, ощущение исторических глубин времени и места, совершенно необыкновенное понимание, казалось бы, хрестоматийно-изученного факта русской старины.

Тут ещё повод поразмышлять об особенностях поэтики «раннего» Владимира Кудрявцева. Возьмём «типичное» стихотворение того времени – «Зимним вечером». Нам легко представить зимнее предвечерье в крестьянской избе, освещённой огнём из пылающей печи. Дед и внук, сидящие рядом. И что делать в такую пору, как ни сказку «вязать» или быть «сказывать»:

...И оживают в днях вчерашних
Как будто дедовы дела...

Сразу скажем, стихотворение «сюжетное», «сказовое», то есть имеющее признаки лиро-эпизма и в композиции, и в описаниях, и даже диалог довольно подробный тут присутствует, что для лирики, как известно, не очень характерно

Но давайте обратимся к тексту, чтобы отметить самый важный в этом стихотворении смысловой акцент.

Вот дед, описывая Сусанина, говорит, что он, «ну, вот такой, поди, как я», то есть, даёт понять внуку, что легендарный «Сусанин» (уже как отвлечённый образ), всё равно здесь, в этой избе – через века! – хотя бы в его наглядном обличии. Далее опять композиционный ход сюжета стихотворения уходит в далёкую историю, «подаётся» рассказ деда о подвиге земляка, и снова выход в «современность» в словах деда: «Через века от рода к роду он шёл, чтоб встретиться с тобой...». И понятно, что внук, прочувствовав свою ответственность не только за родного деда, но и легендарного Ивана Сусанина, готов бежать на помощь спасти родину от врагов...

Кто-то скажет, что это всё очевидно и достаточно прямолинейно, но это далеко не так. Мы обязаны отметить важность для лирического героя В.Кудрявцева вот именно этой родовой, поколенческой, исторической связанности, спроецированной в настоящий день целым, неделимым, если можно так сказать, «объёмом» памяти русского человека, очевидной недопустимости разрыва связи времен.

И практически весь «ранний» (да и «поздний», конечно) Владимир Кудрявцев думает об этом:

Во мне живёт, как ропот, глухо
Тот голос, тающий во мгле,
Родных по крови и по духу
Людей, прошедших по земле.

Понимание таких основ для личности в себе, утверждение его в других – тематика многих стихов В.Кудрявцева того времени. Тут отметим ещё одно основополагающее свойство его поэзии – очевидную доброжелательность к каждому человеку, несущему в себе близкие поэту черты личности. Это считалось неким «недостатком» его поэзии.

Даже Виктор Коротяев, утверждая **ц е л ь н о с т ь** поэтического дарования Владимира Кудрявцева, высказал такую сентенцию: «...Лично мне кажется, что поэт в чём-то обкрадывает себя, не полностью раскрывает сложность человеческой природы, которая не может довольствоваться только незлобностью и добродушием. Тем более, жизнь толкает к более суровым словам и поступкам...»⁹.

Нодальнейшая эволюция творческого пути В.Кудрявцева показала, что, пожалуй, он остался верен себе изначальному, конечно, расширив тематические и поэтические рамки своего творческого диапазона.

А «трагические», и даже «протестные» темы его творчества как раз и шли от того, когда он видел разрушение устойчивых норм жизни, попрание их ради ежеминутных задач истории, часто, по его мнению, скоропалительных и необдуманных.

Но мы опять отвлеклись от биографии Владимира Кудрявцева.

* * *

Важно отметить, что мировидение поэта происходило по восходящей: от деревеньки Попово, через большое село Сумароково – к райцентру Сусанино...

Вот тут есть необходимость обратиться к истории страны, которую Николай Рубцов обозначил, как «Россия, Русь». Без этого мы не поймём сути трагедии поколения «детей русской деревни» Владимира Кудрявцева. Сказать, что это была «крестьянская» страна явно недостаточно. Спросим себя: что было вплоть до середины XX века основной «ячейкой» страны в социуме, территориально, да, и духовно тоже?

Ответим так: деревенька (в среднем) в 15-20 дворов, примерно такая, как Попово. Николай Рубцов так выразил эту мысль:

...Мать России целой – деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

Да, это был центр всей жизни русского крестьянина. Такая деревня могла существовать вполне автономно, независимо даже от государства. В ней и был истинный л а д (по В.И.Белову), скреплённый общинной нравственностью, общим трудом, отлаженный несколькими веками взаимосуществования многих поколений её жителей. Это, если сказать образно, «клеточка» животворящего организма крестьянской России.

Дальше, обычно на расстоянии двух-трёх километров, наиболее доступном для стариков навещать молодых, помогать им по хозяйству и воспитанию детей, располагались во все стороны такие же небольшие деревеньки, связанные родовыми и родственными связями (самыми, без сомнения, крепкими и устойчивыми в многоколенных крестьянских семьях). Ведь часто «основателями» таких деревень были дети или внуки, выделившиеся из отцовской или дедовской семьи. Связь эта была отчасти и хозяйственной: в общем использовании лесных угодий, рекой или озером, совместными покосами и землёй, пусть и разделёнными межеванием¹⁰.

Заметим, что в такой деревне не могло быть сословного разделения. Выдумки про «кулаков-мироедов» и «батраков» появились при «большевиках». Надо было вбить первый клин в крестьянское сообщество.

Центром такой мелкой кооперации деревень было обычно близлежащее село¹¹, например, как в нашем случае – Сумароково. Иногда такую роль выполняли дворянские усадьбы или православные монастыри, тоже имевшие разветвленную сеть по всей стране.

Жизнь русского крестьянина вполне могла пройти в этом круге, если не было обязанности призываться на воинскую службу или уходить на заработки, чаще всего сезонные, или отправляться на учёбу. Даже в уездный город выезжали при крайней необходимости, обычно – на ярмарку.

«Организм» крестьянской России-Руси был настолько могуч и крепок, что вынес все испытания русской истории, идущей ещё от первых славянских племён (никто до конца её истоков не знает).

Вынес крестьянин и три тяжелейшие войны XX века, конечно, сильно подорвавшие равновесие демографии мужской и женской «половинок» деревни, скреплявшей крестьянскую Россию... Не выдержала она откровенного предательства и предельной тупости своих «правителей» (если они не выполняли чужую волю).

Экономист Алексей Чичкин¹² пишет: «...Целинно-залежная и «кукурузная» эпопеи потребовали, что называется, логического завершения. То есть «заметания следов» этих кампаний в российском Нечерноземье, а если точнее – фактической ликвидации в этом обширном регионе рентабельного сельского хозяйства и в буквальном смысле умирающих, так называемых «неперспективных» деревень.

Почему это произошло именно в российском Нечерноземье? Потому что технологически ошибочное и экологически пагубное освоение почти 45 миллионов гектаров целинно-залежных земель, из которых минимум 40 процентов стали впоследствии пустыней и полупустыней, сочеталось с тем, что за те же пять целинных лет (1954–1958) свыше 13 миллионов гектаров – то есть до 35 процентов пахотных и луговых земель российского Нечерноземья – было выведено из сельскохозяйственного оборота. Из-за массированно-принудительного перевода специалистов, технологий, капиталовложений и даже растениеводческого семенного фонда именно из РСФСР сперва в целинные регионы, а затем – в «кукурузные». В дальнейшем площади выводимых из сельскохозяйственного оборота земель в РСФСР увеличивались вплоть до распада СССР. Потому требовалось, что называется, замести следы и рассредоточить-предотвратить возможные протесты населения против такой агрополитики. Главным образом – путем ликвидации-сселения деревень, превратившихся в «неперспективные».

Складывается впечатление, что и целинно-кукурузные мероприятия, и ликвидация неперспективных деревень, осуществлявшаяся главным образом в РСФСР до конца 1980-х годов включительно – преднамеренное уничтожение именно русской деревни и её традиционных сельскохозяйственных отраслей...

«Преступлением против крестьянства» назвал русский писатель и публицист Василий Белов борьбу с так называемыми неперспективными деревнями. «У нас на Вологодчине, – сетовал он в советских СМИ во второй половине 1980-х годов, – из-за «неперспективности» прекратили существование многие тысячи деревень. А по всему Северо-Западу РСФСР – десятки тысяч. Вдумаемся: из 140 000 нечерноземных сел в том регионе предполагалось оставить лишь 29 000!».

Всего же осталось там к концу 1980-х годов, по данным статистики, около 20 000 деревень...

Эта политика привела к перенаселенности городов и, соответственно, к постоянному падению цены рабочей силы, как и квалифицированного труда в промышленности и других несельскохозяйственных отраслях. Причем такая политика осуществлялась и в брежневский период, ибо целинно-кукурузные последствия постоянно расширяли системный кризис сельского хозяйства и социальной сферы на селе в Нечерноземье.

Ну, а сселение деревень – это и «безразмерное» укрупнение колхозов с совхозами. По мнению вологодского экономиста и историка Н.В.Савиной, «один из главных путей достижения «аграрного благополучия» власти в конце 1950-х годов усмотрели в быстром укрупнении колхозов и совхозов – и, опять-таки, прежде всего в РСФСР. Наиболее активно этот процесс осуществлялся в 1957–1965 годах, хотя в тот период исчезло из-за нерентабельности и неуправляемости до 5000 уже укрупненных в середине 1950-х колхозов и совхозов! В результате были созданы новые гигантские, в подавляющем большинстве своем неуправляемые хозяйства, включавшие по 120 и более деревень...».

Одновременно с укрупнением хозяйств и сселением деревень осуществлялось «сверхскоростное» преобразование колхозов в совхозы, против чего жестко возражал Сталин в книге «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), обоснованно считавший такую политику бюрократическим экспроприаторством, опасным разбуханием госсектора, сковыванием сельской инициативы и даже поводом для антисоветских выступлений.

Не все сейчас знают, что первым инициатором уничтожения русских деревень и превращения русского крестьянства в «трудовую армию» был никто иной как Лейба Давидович Бронштейн (Троцкий). Сталин помнил об этом и предостерегал «учеников» Троцкого от подобных шагов, но, к сожалению, смертью вождя в первую очередь воспользовались именно они.

Все эти факторы добивали русскую деревню и, соответственно, российское сельское хозяйство. Вот мнение костромского экономиста-аграрника Сергея Довтенко: «С 1960-х годов, в связи с сселением деревень, в российском Нечерноземье возобладала ориентация на крупные сельские поселения городского типа. Но она противоречила условиям традиционного сельхозпроизводства, которое – при запредельных

пространствах и неразвитости инфраструктуры в новых поселениях, в том числе бытовой, – фактически не могла быть жизнеспособной. А с 1980-х годов политика ликвидации «лишних» деревень стала ещё более активной, с очевидным социально-экономическим и экологическим ущербом для всей РСФСР. Все эти и схожие проблемы перешли в нынешнюю Россию».

Да простит меня читатель за столь длинную, но крайне необходимую цитату в литературоведческом очерке. По сути, это «некролог» крестьянской России, Руси. Да и что такое 20 лет для многотысячелетней истории русского крестьянства? Мгновение! Я бы сравнил его с ударом ножа прямо в сердце великой крестьянской державы. Последствия этого «убийства» России исправлять придётся неизвестно сколько времени. Да и то при условии умной и целенаправленной политики в отношении русской деревни...

А что такое двадцать лет для человека? Это жизнь одного поколения^{13!} Вот такая вселенская трагедия выпала на судьбу крестьянских детей, родившихся в самом начале 1950-х годов...

Но отправимся в посёлок Сусанино (бывшее село Молвитино) Костромской области. Именно здесь будущий поэт делает первые шаги в поэзии, публикуя стихи сначала в школьной стенгазете, а потом – в районной газете «Сусанинская новь». Так что можно считать этот райцентр – поэтической родиной Владимира Кудрявцева. И я там был...

В какие-то стародавние времена, когда Владимир Кудрявцев ещё работал в газете «Вологодский комсомолец», не раз он звал на свою «малую» родину, но всё, как водится, не складывалось.

Но в один прекрасный день наш общий сподвижник по газете Альберт Третьяков напомнил мне, что пора бы посетить родные места нашего коллеги. Мы в одну минуту собрались, потом часа два ехали в пригородном поезде Вологда-Буй, но он значительно опоздал, и автобус в Сусанино ушёл без нас.

С разными передрыгами, но до райцентра мы все же добрались далеко за полночь.

Что делать? Где искать друга? Сусанино – не «деревня в одну улицу, три дома», а настоящий райцентр, а котором стоит не один и не два многоквартирных блочных дома. Самое поразительное, что уличного освещения уже почти не было, только редкие фонари освещали длинную центральную улицу поселка.

Кудрявцевых в Сусанине оказалось много, нас спрашивали всякий раз: «А вам которых?»

В конце концов, добрые люди вывели нас к многоэтажному дому, в котором жил Валентин Никифорович Кудрявцев. Час был далеко уже неурочный, небольшой переполох мы, конечно, навели, но хозяйева, ни словом не упрекнув нас, напоили чаем и уложили спать...

А утром, выйдя из подъезда, увидели мы школу, стоящую напротив – большую и светлую, в которой наш товарищ когда-то заканчивал десятый класс, и которая не раз как образ появляется в его стихах. Потом оказалось, что на день у хозяев (не ждали гостей) запланировано много дел. Мы, чтобы эти планы не нарушать, подрядились помогать им.

Сходили на местное кладбище, где подновили ограду, повьдёргивали подростшую траву между цветами на бережно-ухоженной могиле рано умершей мамы - Алевтины Михайловны... Так и кажется, что именно этот скорбный момент он воплотил потом в своё стихотворение:

Так буднично и без охоты –
Да просто иначе не мог! –
Я взялся с утра за работу –
Носить на могилу песок.

Не мне ли сочувствуя – рядом
Притихли на соснах грачи?
Отец мой за чёрной оградой
Опять дотемна промолчит.

Мы с ним поправляем могилу –
Осела от ливней и гроз.
Ах, мама – как жизнь ты любила!
Я плакал – и не было слёз...

А потом мы отправились на картофельную плантацию, где с усердием юннатов собирали колорадских жучков, опуская их в банку с бензином. Был один из последних дней августа, урожаю на огороде Валентина Никифоровича грозила гибель...

После этого Володя совершил с нами экскурсию по родному посёлку, доведя до той самой Воскресенской церкви, навечно запечатленной А.Саврасовым. Грачи, однажды прилетевшие сюда, так, кажется, навсегда у неё и остались.

Вороны тоже по соседству нехотя перепархивали с березы на берёзу. А березы, если помните полотно Саврасова, теперь другие: высокие, стройные, не те коряво-изломанные, какие вписал в своё романтическое полотно художник...

Вышли мы и на окраину Сусанина. За ней вдруг открылись истинно русские просторы, уходящие куда-то в даль-дальнюю, в непроходимые болота, образовавшиеся на месте огромного озера ледникового периода. Впечатление эти картины природы оставили воистину неизгладимое.

Потом мы снова бродили по мокрым от прошедшего дождя улицам райцентра. Володя здоровался с прохожими, оживленно приветствуя их, но перед райбольницей как-то запечалился и показал на окна, за которыми провела последние дни его мама...

Вечером к Володе из Москвы приехали новые гости – Серёжа Смирнов (вместе учились в Ленинградском университете) с женой Лолой. Хотя и большая квартира у Валентина Никифоровича, но всех гостей уже вместить не могла. Мы попрощались и собрались в Вологду.

Я всегда, между прочим, удивлялся: как много вокруг Володи самых разнообразных людей! И на всех у него хватает душевных сил и времени. А ведь он и работе отдается сполна, и на литературные свои штудии часы находит... До сих пор есть в этом для меня какой-то секрет, который разгадать никак не удаётся.

Да, бывают вот и такие памятные дни! Всего один день на родине товарища, а как много сразу открылось и в нём, и в той жизни, которая осталась для него в прошлом.

«Люблю русские райцентры», – говорил он не раз, когда мы встречались в глубинке Вологодчины, и я, вспоминая его костромское Сусанино, понимал, что начало этой привязанности ещё там, на земле его юности.

Кто-то из великих (кажется, Александр Яшин) сказал, что жить в России и не знать деревни нельзя. Но можно дополнить и так: жить в России и не знать «райцентровской» жизни тоже, по-видимому, нельзя, ибо полного представления о русской действительности не будет. Владимир Кудрявцев, без сомнения, давно это осознал и понял, потому всегда находит возможность посетить «родные уголки»..

Есть в России райцентры и краше, и душевней, да и комфортней, конечно, чем Сусанино. Взять те же Тотьму или Устюжну, Великий Устюг или Белозерск на Вологодчине... Тем поразительней, а всего скорее, спасительней привязанность Владимира Кудрявцева к своему «райцентру».

И это не только частность его биографии, но и стержень душевного настроения. Замечу, что самого Сусанина, как поэтического образа, в стихах В. Кудрявцева, пожалуй, и нет, но как много тем и мотивов, особенно, в «пейзажной» лирике, без сомнения, рождено им...

Закончив в 1971 году среднюю школу в поселке Сусанино Костромской области, будущий поэт без провинциальной робости отправился в «мегаполис» и с первого раза поступил на факультет журналистики Ленинградского университета, куда поступить из сельской школы было в те годы практически невозможно.

У меня нет особых сведений о том, как большой город – да, что там говорить – великий город! – повлиял на становление личности Владимира Кудрявцева. Но пять лет учёбы и жизни в нём и... никакого отзвука в стихах.

Николай Рубцов¹⁴, прожив в самом Ленинграде около двух лет, успел создать свой «питерский цикл». Не буду приводить его общеизвестные стихи: «В гостях» (Трущобный двор. Фигура на углу. Мерещится, что это Достоевский...), «Утро утрать», «Экзамен», а вот с этим, по всей вероятности, малочитаемым, хотелось бы читателя познакомить.

Да и надо, по-видимому, разбавить наш разговор поэтической шуткой:

Живу я в Ленинграде
На сумрачной Неве.
Давно меня не гладил
Никто по голову.

И на рабочем месте,
И в собственном углу
Все глядят против шерсти –
А я так не могу!

Пусть с горя я напился –
Я тоже человек!!
Зачем не уродился
Я в двадцать первый век?!

Так вот, у Владимира Кудрявцева своего (во всяком случае, опубликованного) «ленинградского» цикла нет. Это меня несколько озадачивало до последнего времени.

И вдруг, совсем недавно, нашел для себя хоть какое-то объяснение этому парадоксу.

Читал книгу отца поэта Валентина Никифоровича Кудрявцева¹⁵, а в ней «рассекречена» небольшая часть переписки студента Владимира Кудрявцева с будущей женой Ириной (тогда – Камакиной). В письмах – бытовые подробности, признания в любви, съедающая сердце тоска по родной деревне Попово, устремлённость туда всей душой, задушевная лиричность письменных отношений между двумя «половинками» будущей семьи... Я отметил для себя письмо Ирине в Кострому, датированное 13 марта 1974 года. Вот отрывок из него:

«...Хочешь, я расскажу тебе о ленинградской весне. Мы пойдём с тобой по улице. Погуляем по парку. Постоим у Невы. На улице сухо. И не поймёшь: то ли весна, то ли осень. И только в парке на газонах пузырится вода. Это дышит чуть оттаявшая земля. Корчатся в парке нагие липы. Кажется, что они засохли на корню.

Вот она какая, весна города. Весна на островке земли, закованной в камень и гранит.

У меня под окном полынья, чёрная-чёрная, – в расщелине белого льда. Сегодня по Фонтанке пропыхтел буксир, и лёд тронулся.

Вчера я шёл из университета и увидел на решётке ограды детские рукавички. Кто-то потерял их, а кто-то поднял и положил на ограду. Рукавички напомнили мне весну. Я даже потрогал рукой тёплый и немножко сырой воздух.

Весна!..»¹⁶

Позволю себе прервать это художественное чтение. Представьте: вот идёт молодой человек среди питерских зданий ампира, модерна, русского классицизма или конструктивизма¹⁷, а видит, пузырящиеся лужи, открывшиеся ото льда Неву и Фонтанку, нагие липы, и... детские варежки! Эта поистине художественная деталь показывает душевную работу, быть может, ещё подсознательную, будущего «старателя» слов и образов. Мы сразу понимаем, что весна – да! – наконец-то явилась, какой-то малыш сбросил за ненадобностью варежки, рукам ведь тепло, и, быть может, «нарочно» он их забыл, чтобы завтра не заставили надеть ставшие ненавистными за зиму рукавички...

Но какая чуткая душа и какой острый глаз у молодого Владимира Кудрявцева! (Не будет откровением, что через такие частности иногда легче понять не только биографию другого человека, но и настрой его души и ума.)

Продолжим читать письмо:

«...Я вчера получил письмо из Попова от деда Михаила. Прочитал его и почувствовал, что в деревне всю пахнет весной.

Снег посинел, и почернела дорога. Солнце уже приспособилось к насту и без усталости рыхлит его. По корытечкам с крыши звенит весёлая капель. Дед расставил корыта, ведра, тазы и, как мёд, собирает для хозяйства талую водичку. Знаю, что сосед уже сбросил с крыши снег, и теперь она на солнце блестит и слезится.

А в избе у деда в коричневой кринке зеленеют ветки тополя, и в воздухе, дурманя голову, плавают липкий тополинный запах. Даже часы на стене в эту пору – и те колосются по-особенному. И слышно, как потягивается в кути кошка.

Мне, Иринushка, так хочется в деревню! Так хочется! Сидели бы мы с тобой на завалинке и грелись бы на весеннем солнце. Странное желание, не правда ли?!»

Так вот оно в чём дело? Человек пишет письмо в центре Ленинграда, «золотой мечте» десятков тысяч своих сверстников, желающих туда попасть любой ценой. Он живет на Фонтанке у Сенной площади (места Достоевского), а душой и сердцем постоянно там – в крохотной деревушке за тысячу верст в лесной глухомани... Да, с таким настроением едва ли напишешь что-то путное даже о самом распрекрасном городе, каким, конечно, является Ленинград-Петербург.

...Тут я должен сделать маленькое признание. Мы уже работали в одном коллективе, тесно общались, а я часто ловил себя на одном внутреннем споре с самим собой, размышляя о Владимире Кудрявцеве – поэте и человеке.

С одной стороны: интеллигентный, умный, деликатный, достаточно скромный человек (например, ни разу не слышал от него самооопределения: мол, я – поэт (!), а сколько встречал таких литераторов, которые не прочь были причислить сами себя к лику «гениев»). Получил основы высокой культуры ни где-нибудь, а в Ленинградском университете! Да и пять лет жизни в мегаполисе, конечно же, отражались на всём облике Владимира Кудрявцева. Потом у него в жизни был почти интернациональный Череповец (народ там собирался со всей страны), затем – суетливо-медлительная, почти патриархальная Вологда...

Здесь он уже общественный деятель областного уровня. Работа хоть и творческая, но в то же время и чиновничья, а это, понятно, заставляло душу и сердце держать застёгнутыми на все пуговицы.

А с другой стороны, его стихи. Стихи, которые он публиковал в те годы, отражали совсем иную его ипостась, да и тематически никак не подходили под его внешний облик того времени. В них не было ни дымных труб или домен Череповца, ни стихотворных пейзажей старинной Вологды, в них не было почти ничего городского! Кроме, конечно, поэтической культуры, как раз более «городской» в предсказуемости слова и образа, без псевдонародных «поэтических» прикрас.

Да, жил он и работал в городе, а стихи писал о русской деревне!.. И почти всегда о каком-то внутреннем одиночестве и невысказанной до конца грусти, словно «лирический герой» Владимира Кудрявцева не ощущал себя достаточно уверенно в той среде, в которой ему досталось жить-бытовать.

Это, повторяю, было странно для меня. Может, потому, что и сам я тогда не умел ещё отделять автора от его произведений.

И не прочитай я его переписку с любимой девушкой, вероятно, и доньне терзался бы какими-то сомнениями. Теперь они, слава Богу, исчезли...

Понятно, что «ленинградский период» жизни не мог пройти бесследно для будущего поэта. Просто в таком(!) городе нельзя избежать освоения (если уж совсем не ленив и не любопытен, в чём В.Кудрявцева уж никак не заподозришь) самых лучших образцов высокого искусства – театр, живопись, музыка, архитектура. Да и ритм, сам образ жизни европейского города всегда чем-то завораживает, особенно, вчерашнего провинциала, тем более – деревенского паренька...

Помните, и Николай Рубцов по этому поводу говорил:

...Я выстрадал, как заразу,
Любовь к большим городам!..

Но Владимир Кудрявцев, похоже, и за пять лет учебы не очень-то «заразился» Ленинградом. В 1976 году, после окончания факультета журналистики, он решил поехать (уже семейный человек - вместе с Ириной) на маленькую телестудию бурно-промышленного, нерво-энергичного Череповца, где и проработал шесть лет редактором молодёжных программ областного телевидения. А ведь мог остаться и в Ленинграде, если бы захотел. Мог и в Череповце сделать карьеру в комсомольских, партийных или советских органах, ведь факультет-то был «идеологическим», что, кстати, в те годы многие из его однокашников и делали...

А молодой (пока ещё) журналист и человек уже имел совсем другие планы на жизнь. Именно в эти годы он публикует первые свои подборки стихов серьёзного уровня в газетах «Коммунист» (Череповец) и «Вологодский комсомолец», (даже становится лауреатом конкурса имени Н. Рубцова), выпускает первую книжную публикацию, правда, в коллективном сборнике¹⁸.

* * *

В 1982 году Владимира Кудрявцева переводят в Вологду на должность редактора областной молодёжной газеты «Вологодский комсомолец»...

Хорошо помню первую нашу встречу. Однажды нашла меня Валентина Станиславовна Старкова, мой учитель литературы, и немало удивила меня, сказав, что меня разыскивает редактор «Вологодского комсомольца». «Грехов» за мной не было, к литературной работе я только подступался, пиша¹⁹ больше в «стол», почти ничего не публикуя.

Но однажды послал статью в газету «Вологодский комсомолец». Её вскоре напечатали, но я большого значения этому не придал. В те времена было принято публиковать «человека со сторонь». Это называлось работой с внештатными авторами. Потом, узнав «редакционную кухню», я понял, что в газете отдаётся предпочтение внештатному автору, если, понятно, его статья доведена до определённой кондиции.

Я пошёл на встречу. Помню сумрачный коридор «Вологодского комсомольца». Пахло краской, ибо на этаже шёл сезонный ремонт. Володя сидел не в своем редакторском кабинете, а маленькой комнатке ответственного секретаря.

Я назвался, Молодой редактор по-доброму улыбнулся, протянул руку, сказал, что давно хотел познакомиться, и тут же предложил сотрудничество, дал темы для будущих заметок и статей, через месяц отправил в командировку в Верховажье, а ещё через пару месяцев принял на работу в редакцию...

История газеты «Вологодский комсомолец» знает несколько славных периодов. Обычно они связаны с именами редакторов. Можно уверенно сказать, что более творчески насыщенного периода, чем при Владимире Кудрявцеве, в богатой истории газеты нет и уже, к сожалению, не будет. Достаточно сказать, что большинство сотрудников его «правления» в газете стали потом членами творческих союзов. Среди них - Анатолий Ехалов, Леонид Парфенов, Нина Веселова, Дмитрий Шеваров...

Тут всё дело было в самом подходе к редакторству со стороны Владимира Кудрявцева. Он не складывал материалы на газетные полосы, как заведено в других редакциях с «колес», а именно лепил номер от первой строчки до последней, создавая его о б р а з. (Здорово помогал ему в этом Александр Торопов, замечательный фотохудожник, но уже тогда имеющий вкус к оформлению самой газеты.)

Это, как я понимаю теперь, было совсем не простым делом. Молодого редактора не всегда понимали и поддерживали не только «сверху», но порой даже и сотрудники, привыкшие к иным стереотипам газетной работы.

Уже забылось, но ветераны журналистики знают, что при Ю.В. Андропове (и по инерции после него) времена для прессы были жесткие, идеологически сложные. Тогда даже слово «русский» было под негласным запретом...

А молодой редактор почти сразу начал ориентировать газету на русскую жизнь. Вот и сейчас помнятся его тематические номера по народному творчеству и русским традициям, о жизни «простых» людях вологодской глубинки, о судьбе архитектуры деревянной Вологды.

Чего стоит одна публикация рецензии на фильм Николая Бурляева «Лермонтов»! Отзвук о ней долетел до Москвы и был предметом разбирательства на бюро ЦК ВЛКСМ. Но не успел утихнуть шум вокруг «Лермонтова», а в газете появляется большое интервью с архиепископом Вологодским и Великоустюжским Михаилом (Мудьюгиным), что по тем временам, мы-то знаем, чем могло закончиться...

Это теперь всё кажется просто. Мне трудно представить, как он каждодневно выдерживал давление со всех сторон. При этом, как помнится, каких-то очевидных идеологем со стороны редактора не высказывалось. Он не пытался разъяснять и растолковывать свои творческие и идейные воззрения, тем более кому-то их навязать. Он следовал им в жизни и в работе. В общении с коллегами Владимир Кудрявцев был истинным демократом, спокойным в диалоге с оппонентами и уверенным в своей правоте, твёрдо ведя «корабль» газеты в направлении, самим же им и заданном.

Но вскоре оказалось, что и печатного слова ему мало.

Он создает при газете большую творческую бригаду (журналисты, писатели, музыканты, педагоги). Тут необходимо вспомнить людей, которые, надо полагать, были близки Владимиру Кудрявцеву и по нравственным в жизни установкам, и по идейно-творческим воззрениям, а то и просто по человеческим качествам.

Я их только перечислю, хотя каждый достоин своих воспоминаний: поэты Александр Романов и Виктор Коротаев, Сергей Чухин и Михаил Сопин, художники Михаил Брагин и Валерий Страхов, гармонисты Александр Рачков, Николай Драчков и Константин Пирожков, бард Владимир Громов и композитор Константин Линк, прозаики Мануил Свистунов и Анатолий Ехалов, фотохудожник Олег Кононенко... Наверное, кого-нибудь и забыл за давностью лет.

Мы ездили по профтехучилищам области и города, давая их учащимся «Уроки русского». Всё это требовало немалых организационных усилий и его личного участия в каждом таком проекте. Думается, для Владимира Кудрявцева это был не только способ познания жизни, но и какой-то внутренний долг перед молодыми ребятами русской глубинки. Он и сам был таким когда-то в свои юные годы, сумевшей открыть в жизни большие горизонты. Он хотел и в ребятах укрепить веру в самих себя.

«Минирование памятью» назвал наши поездки Михаил Сопин. Очень хорошая метафора! В ней суть всего дела. И в нём не было никакого «донкихотства», как не было его и в действиях нашего редактора, наоборот – была твёрдая, осознанная уверенность, что это принесёт свои плоды в будущем, и память рано или поздно будет возвращать наших тогдашних слушателей к той неожиданной для них встрече.

Тут вполне естественно и уместно сказать и о том, что Владимир Кудрявцев в годы редакторства в «Вологодском комсомольце» сделал много полезного для становления целого поколения молодых тогда литераторов Вологодчины

Стихи и прозу он публиковал много, почти потоком, а молодые писатели были частыми гостями в редакции, многие являлись его личными друзьями.

Тут только перечисление: Александр Швецов и Лида Теплова, Александр Пошехонов и Юрий Максин, Вячеслав Белков и Александр Цыганов, Виктор Плотников и Олег Ларионов, Александр Драчев и Николай Фокин, Алексей Швецов и Николай Дружининский, Валерий Ельтипифоров и Лидия Мокиевская, Владислав Кокорин и Василий Мишенёв, Михаил Карачёв и Валентин Федотов, Василий Ситников и Андрей Климов, Елена Саблина и Лариса Мокшева...

Почти для всех те годы были во многом дебютными и ясно, что без систематического выхода к читателю, пусть только и со страниц газеты, не все бы и состоялись в том размахе целого поколения литераторов, рождённых в 1950-е годы, которое мы видим на Вологодчине в новом веке.

При этом Владимир Кудрявцев и публиковался меньше всех, оставаясь несколько в тени друзей-ровесников. Но то была внутренняя его уверенность, что и его в р е м я в поэзии придет...

Не будет в данном случае нескромностью сказать, что у него в те годы сложились на удивление тёплые, искренние отношения и с писателями старшего поколения.

С сердечной теплотой он не раз отзывался, например, об Александре Романове, которого ценил и уважал какой-то сыновней привязанностью, но это моё личное впечатление.

Частыми посетителями в редакции были Владимир Шириков, Роберт Балакшин, Виктор Коротаяев, Александр Грязев, Игорь Тихонов, Сергей Чухин, Сергей Алексеев, Юрий Леднев, Борис Чулков, Василий Оботуров...

Более сложными были отношения с Василием Ивановичем Беловым. Но это потому, что Василию Ивановичу не нравились в газете страницы, посвященные молодёжной рок-музыке. А со стороны Владимира Кудрявцева всегда было безмерное уважение таланта и идейных воззрений выдающего писателя того и нашего времени... Впрочем, ясно, что по творческим и мировоззренческим ориентирам Владимир Кудрявцев близок к таким же установкам Василия Белова...

Всё это требует более-менее развёрнутого разговора в другое время, а сейчас бы хотелось высказать ещё одну заключительную для этой темы мысль. Будучи профессиональным журналистом, в общем и целом, Владимир Кудрявцев не так и много поработал в средствах массовой информации (около пятнадцати лет, считая работу на областном телевидении). Но есть полная уверенность в том, что его редакторство в «Вологодском комсомольце» дало мощный толчок всей его судьбе.

Недостаточно хорошо я знаю его деятельность на посту руководителя культуры Вологодской области. Оно выпало на самые разрушительные в XX веке, как теперь свидетельствует статистика, годы для России – 1990-е(!) – и на переломе веков. Но по тем культурным событиям, которые происходили в те годы, мне очевидно, что основные жизненные установки на историзм народной памяти, приверженность к традиционной народной культуре он сохранял и на должности «министра». Одна лишь многотомная серия «Старинные города Вологодской области» (более 40 томов) – уникальный по своей задумке и исполнению труд, подтверждает эту мысль. Или, скажем, театральный фестиваль «Голоса истории»...

А вот взгляд со стороны. Театральный критик из Москвы Константин Щербаков так вспоминает эти годы:

«...Володя Кудрявцев был начальником Департамента культуры Вологодской области. Мало кто знал исторические достопримечательности вологодской земли так, как он, и мало кто умел рассказать о них с таким чувством личной причастности – и Владимир Андреев и Борис Морозов, известные московские режиссеры, и ваш покорный слуга, приехавшие на Российский театральный фестиваль «Голоса истории», слушали его как замороженные...».

Это, кстати, одно из замечательных свойств личности не только поэта, но и человека Владимира Кудрявцева. У него есть редкая способность не только делиться накопленными званиями, жизненным опытом, но и стараться объединить вокруг доброго дела друзей, единомышленников, всех, у кого в душе живет искренний порыв постичь новые сферы и формы культуры и жизни.

Однажды он, при всей своей занятости, лично позвонил мне с работы домой: сегодня приходи в картинную галерею, будет единственный концерт Валерия Александровича Гаврилина. Я отложил все срочные дела и с радостью пошёл, любя музыку этого гениального русского композитора нашего времени, особенно, «Перезвонь», «Военные письма», музыку к балету «Анюта»...

Я видел, как был счастлив в тот вечер сам Владимир Валентинович. В зале собралось много друзей и знакомых. (Потом В.Кудрявцев создаст документальный фильм о В.А.Гаврилине²⁰, помня, конечно, и тот вечер...)

Таких примеров можно привести много.

Наверное, здесь можно поставит , и многоточие к биографии поэта. К счастью для нас, она продолжается и сейчас...

* * *

Пора, как говорится, приступить и к творческому «пути» Владимира Кудрявцева, хотя какие-то подступы к этому мной уже были сделаны. Тут нам придётся вернуться в 1976 год, когда он приехал жить на Вологодчину, чтобы хоть немного поговорить о литературной ситуации, в которую попал молодой поэт.

Дело в том, что к тому времени литературная жизнь на Вологодчине набрала невиданный до этого размах. Появился даже специальный литературоведческий термин: «вологодская школа» современной литературы. Я не склонен оспаривать его, меня не сильно заботит, что литературному явлению придано было «географическое» название.

(Когда-то, вспомните, много говорили об «одесской школе», и все понимали, о чём и о ком идёт речь.)

Так вот, три «кита» «вологодской школы» можно обозначить так: традиционность, народность, реализм. Ещё А.С.Пушкин задавался вопросом, что такое «народность», а то все говорят о ней, а что это такое определить не удосужились. От тех времён воды утекло много и, в конце концов, определили так: народность – это взгляд на жизнь «глазами» народа.

«Проблема народности сегодня, – размышлял в те же годы замечательный русский критик Юрий Селезнёв, – одна из наиболее острозлободневных, истинно современных проблем... Процесс обновления в нашей литературе... я бы определил словом «возрождение» (с маленькой пока ещё буквы) и с необходимым же уточнением: *возрождение в народности.*»²¹

С «традиционностью» тоже было не так просто. Всю вторую половину прошлого века так или иначе вопрос этот витал в воздухе: что такое традиция в современной поэзии, как она влияет на поэтов, кто имеет, а кто не имеет права быть продолжателем «русской» традиции. И тут определились: традиция всегда благотворна, если поэт стремиться углубить и расширить поэтические представления своих предшественников.

Вадим Кожин, размышляя о творчестве Николая Рубцова, писал: «...Проблему традиций вообще нередко понимают слишком прямолинейно и упрощенно. Дело идёт о ш и р о т е и г л у б и н е той поэтической п о ч в ы, на которой выросло зрелое творчество Николая Рубцова, а не о некоем возврате в прошлое»²².

О реализме «вологодской школы» лучше других сказал литературный критик Владимир Гусев. И хотя он употребляет термин «деревенская проза», но и к поэзии «вологодской школы» это имеет прямое отношение: «Деревенская проза» – это, как правило, реализм в точном смысле этого слова, т.е. реализм по методу и стилю. Повествование развёртывается «от имени Господа Бога» или даже от первого лица «самого автора», тут суть не в этом. Суть в том, что жизнь предстаёт в её дневной, практической модели, что перед нами проходят замкнутые в себе, объективные или сориентированные на объективность характеры, что сама жизнь предстаёт в НАРОДНОМ многообразии и понимается как объективный социально-жизненный и социально-психологический поток, а не как внутренняя жизнь по преимуществу.

Внешние стилевые формы привязаны к нормам правдоподобия, жизнеподобия, народной материальной «толщи» как принципа жизни²³.

Мне думается, что Владимиру Кудрявцеву не было большой необходимости оспаривать сложившиеся положение в литературной ситуации Вологды того времени. По-видимому, такое духовно-эстетическое триединство «вологодской школы» ему было по душе.

Тут у нас есть повод обратиться к его первой полновесной книге, вышедшей в Вологде в 1992 году. Итак, снова «Венцы»²⁴... Сколько раз я перечитывал её? Не помню. Много... И всякий раз меня не покидало странное впечатление, что я читаю какую-то другую книгу. Я не мог себе объяснить этого парадокса. Может быть, теперь мне это удастся?

Вот я сказал «книга», и вынужден теперь объясниться с читателем. Да, я считаю, что с первой своей книги, в данном случае, «Венцы», Владимир Кудрявцев, как мало кто из поэтов, мыслит изначально именно целой книгой. Ну, вот чудеса: а другие поэты? А другие – с б о р н и к а м и стихов. Тут разница такая: в сквозном сюжете, а чаще всего, и в сквозном герое. Это особенность к н и г и стихов. «Сборнику» же – это, как правило, много персонажей и много сюжетов. Не знаю, смог ли я это объяснить досконально, но суть, конечно, в этом.

Вообще-то это не открытие только Владимира Кудрявцева. Скажем, именно так почти всегда поступала Анна Ахматова. Когда ей надо было издать «Избранное», она его так и озаглавила «Из шести книг», в нём разделы «Вечер», «Чётки», «Белая стая» «Подорожник»..., то есть названия книг предыдущих. (У Владимира Кудрявцева, между тем, есть такой же опыт²⁵.)

Но кто же тогда «сквозной герой» Владимира Кудрявцева в «Венцах»? Если я скажу, что сам поэт, то слукавлю. Но всё-таки попробую очертить портрет, хотя бы социальный, его персонажа. Предположим так: это молодой человек, крестьянский сын, но в силу разных обстоятельств оказавшийся в городе. При этом он уже образован, семьянин, имеет детей... Не знаю, насколько такая подсказка поможет, но я бы мог провести совершенно неожиданную параллель между стихами и прозой. Дело в том, что персонаж «Венцов» очень напоминает мне «сквозного» героя сборника рассказов и повестей Василия Белова «Воспитание по доктору Споку»²⁶ Костю Зорина. Во всяком случае, это люди почти одного поколения, одного происхождения, одной судьбы...

Заметим, что даже некоторые сюжетные линии схожи в обеих книгах: постройка бани и строительство дома (тут мы не берём более расширенный смысл этого образа у В.Кудрявцева); размолвки в семье; попытки вчерашних крестьянских детей определиться в новой для себя «городской» среде, принимая или отвергая навязываемые этой средой ценности и условности жизни; метания между «городом» и «деревней», хотя бы в своей памяти.

Я уже говорил, что не сразу понял целостность и самой книги «Венцы». Я принимался читать её, как сборник стихотворений, ища в ней «главные» и «неглавные» стихотворения, что обычно и делает обозреватель. И из этого ничего не получалось. Но как только я воспринял её единым повествованием, тут всё и встало на свои места.

В частности, откликаясь в первый раз на книгу В.Кудрявцева, я доминантой её выделил поэму «Подорожники». «...И вот какая особенность выявилась, – писал я тогда, – она совсем не потерялась в приличном по объёму сборнике. Наоборот, стала своеобразным камертоном всей книги.»²⁷

Но я, каюсь, ошибался. Наверное, не совсем обдуманно пошёл вслед за Александром Романовым, который размышлял о «Подорожниках» ещё после первой публикации её в коллективном сборнике²⁸.

Он их тогда особо отметил, правда, уйдя в заметную «социологичность» анализа поэмы.

«Владимир Кудрявцев представлен здесь самой объёмной подборкой, – писал А.Романов. – Побуждения его души прежде всего гражданские. Поэтому он склонен в стихах к публицистике. В этой склонности – свои достоинства и свои недостатки. Самой значительной вещью в подборке (да, пожалуй, и в сборнике) являются главы из поэмы «Подорожники».

...Добрая по своему порыву, зримая по некоторым зарисовкам, по желанию добраться до молодого «героя нашего времени», поэма всё-таки отяжелена описательностью и вторичностью восприятия. Ей не хватает дерзкой яркости.»²⁹

Между тем, и Александр Романов, и я, конечно, ошибались. Как раз в контексте «Венцов» поэма «Подорожники» является по сути лишь главой, пусть и важной, в её книге.

Кстати, чтобы пока от неё не отходить далеко, скажу, что и особой публицистичности в ней нет. Может быть, и хорошо бы, чтобы она была, но чего нет, того нет.

Публицистика предполагает обращение к «обществу», а тут поэма-размышление с вопросами, прежде всего, самому

себе: что происходит с моей родиной, что происходит со мной самим, куда мне идти, чему дальше поклоняться?.. Лирический герой поэмы только на стадии осмысления, где-то в ступоре сомнений – куда ему звать за собой кого-то, самому бы разобраться в ситуации. Да и какая при таком состоянии души может быть «яркость»? До неё ли сейчас?

Тут бы надо вернуться к первому «венцу», как обозначил главы книги сам автор. В нём две основные темы: первая – воспоминания детства (в стихах – «Мы рубим дом», «Зимним вечером», «Растопленный, как масло, свет разлит и пахнет пирогами...»), «День Победы» и других). А вторая – тема «ухода от родного очага», даже терзаний души по поводу «ухода» (в стихотворениях «Не искушай меня свободой...», «Ты спрашиваешь – почему не сплю?..»), и метаний «героя» скажем так, между «городом» и «деревней», да и по всей земле тоже (в стихах «В командировке», «В гостинице», «В Загорске» и тому подобных).

Известный писатель и литературный критик Дмитрий Шеваров в письме к Владимиру Кудрявцеву нашёл такие слова, прочитав книгу «Венцы», кстати, как раз, в основном, выделив стихи из первого «венца»: «...Спешу поблагодарить тебя за твою прекрасную книгу, которую я читаю с радостью за тебя, за твой талант – чуткий и бережный к самому главному и хрупкому в жизни – к любви, к детству, к нашим незабвенным старикам!.. У тебя есть стихи, которые обязательно войдут во все антологии русской поэзии. Для меня это совершенно очевидно и ясно. Стихотворения «Щекочет утро нос дымком...», «В день Победы», «Подснежники», «Зимним вечером» так хочется, чтобы читали и знали дети. Это настоящее, это классика чувства, доброты, любви, благодарности. Такое не растёт на пустырях городских, а только в затишке деревенского детства, которые ты воскресил и даришь людям...».

Итак, судьба «типичного» крестьянского сына...

Второй «венце» книги – тема дороги или выбора «пути» в этой жизни. Идёт стадия становления лирического героя, его возмужание.

А основу этой главы и составляет как раз поэма «Подорожники».

Да, тут я опять споткнулся. Мне было интересно, знал ли Владимир Кудрявцев о стихотворении Николая Рубцова «Подорожники», когда создавал свою поэму? Наверное, знал; не мог не знать. (Жить в Вологде и не знать стихи Николая Рубцова, это какое-то недоразумение.)

И я допустил, что это не случайный, а обдуманый шаг Владимира Кудрявцева, своеобразный диалог двух поэтов «соседних», как мы помним, поколений²⁷. Чтобы не отсылать к стихотворным сборникам Николая Рубцова, процитирую его стихотворение:

Тот да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники –
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики.
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устюга
Погружаться в сказочную глушь.

Где моё приветили рождение
И трава молочная и мёд,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха - это тоже самолёт.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ до топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса!

На первый взгляд, и названия, и зачины стихотворения и поэмы (правда, у Рубцова несколько легкомысленно-беззаботное, а у В.Кудрявцева информационно-описательное: «Иду по дороге... Ручьи да овраги, часовни с обломками ржавых крестов...») настраивают читателя на одну ноту постижения сравниваемых произведений.

Но потом начинаются расхождения. Стихотворение Николая Рубцова, хотя и отягчённое достаточно печальными

словами «бродяги», «острожники» (я думаю, что поэт просто срифмовал его с «подорожниками»), в ином случае появляется непроработанная дальше аллюзия, скажем, на репрессии или гонения), «усопшие души». Но в целом, это стихотворение отражает радость, упоение («неплохая в жизни полоса») от новой воссоединённости себя – «цивильного» человека-технократа (а кто ещё может муху сравнить с самолётом?) с природой (в момент рождения эта связь была, потом, очевидно, потеряна) и историей своего народа («по следам давно усопших душ»).

У Владимира Кудрявцева тоже два пласта времени: настоящее и прошлое, пусть не такое отдалённое, всего лишь на памяти одного-двух поколений. Но вот только радости его персонаж что-то не испытывает: он серьёзен и раздумчив, озабочен каким-то надвигающимся переломом в своей судьбе и в жизни своей «малой» родины. И, похоже, последствия этого перелома пока уразуметь не может.

Иногда он просто растерян (например, в сцене с Андреем Ивановичем Кругловым), явно не находя общего языка со старинным знакомым...

Но чаще уходит в воспоминания о том, как «было» в том времени (отсюда излишние описательность, которую отметил А.Романов, и подробности «былого» – это свойство детской памяти, которая воспринимает мир целиком, во всём объёме бытия).

Стоит обратить внимание и на «пейзажи», сопутствующие настроениям персонажей Николая Рубцова и Владимира Кудрявцева. Если у Рубцова пейзаж очевидно возвышен, даже романтичен, а это отражается в лексике: «колокольчики», «певучие бутончики», «трава молочная», то есть слова, которые в обычной жизни мужчина едва ли выдавит из себя, то у В.Кудрявцева взгляд захватывает не сами красоты природы, а результаты деятельности человека в ней.

Ну вот, например: «...У кромки дороги завяла берёза. Сидят воробы на обрывках корней. И шрам на стволе от железного троса, как часто мы в детстве играли на ней... И ржавчины краска на содранной коже, и тракторный след на зелёном гумне, и сальные пятна гниющих остожий, саднящую болью остались во мне...».

Всего скорее, между этими произведениями не более пятнадцати лет. Н.Рубцов мог своё написать где-нибудь около 1965 года, В.Кудрявцев своё – около 1980 года. Но как по-разному поэты «возвращаются» в природу и в родные места. Один полон радости, второй – огорчений и тревог.

Но есть одно свойство, объединяющее эти персонажи. Сразу и не определишь родственность их судеб, а точнее – внутренних состояний в данный момент. А заметили вы, что оба лирических героя оказались в о д и н о ч е с т в е.

У Н.Рубцова герой предпринимает в одиночку (в данном случае будем фактологически точны по тексту стихотворения, не уходя в метафористику и свои догадки³¹) путешествие пешком не на близкое расстояние; конкретно между Тотьмой и Великим Устюгом около двухсот пятидесяти километров...

В поэме В.Кудрявцева есть эпизод, на который стоит обратить внимание. Помните, нашего «прохожего» догоняет на грузовике земляк Василий Вдовин, предлагая довезти прямо до дома в деревне Попово. Обычное дело, скажите вы, на сельских дорогах. Да, это так. Но что делает персонаж В.Кудрявцева? Он... отказывается, он пытается сохранить «автономность» себя, что сродни одиночеству, хотя бы души, и этим обозначая расстояние между собой и бывшими односельчанами. Житейски понятно, что человек хочет «размяться» после долгой поездки в автобусе или поезде, хочет пройтись по родным тропам и дорожкам, но в то же время он делает это о д и н... И мне кажется, что этой сценой Владимир Кудрявцев даёт существенный намёк к пониманию психологического состояния своего лирического героя.

Отметим и другое сходство обоих персонажей: они оба не предвидят будущего! Герой Н.Рубцова откровенно уходит из настоящего в прошлое: к «острожникам», к «следам усопших душ», в «сказочную глушь», к своему «рождению»... Временной «уход» в историю персонажа В.Кудрявцева идёт ритмом волны: настоящее-прошлое-настоящее-прошлое-настоящее... У него, правда, есть небольшой загляд в будущее, действительно, несколько бодро-публицистический по сути: «И верю я снова – придёт обновление, и верю я вновь – всё наладится в срок...».

Не спасает в данном случае и образ дороги: метафорическое «движение» от себя в даль: к а к б ы в будущее. Но это «пространственная» перспектива движения на небольшом отрезке: у Рубцова до «Великого Устюга», у В.Кудрявцева от развилки у шоссе просёлком до родной деревни. Если же брать категорию времени, то и в том, и в другом случае мы видим один и тот же результат: идёт обратный отсчёт времени! Случайность? Думаю, что нет! В этом схожесть мировоззренческих позиций, переключка представителей «соседних» поколений «детей деревни».

Похоже, я ухожу в частности... Правда, в литературном произведении именно «частности» и помогают раскрыть весь идейно-образный смысл стихотворения или поэмы. И заметьте, я почти не касался «технической» стороны: особенностей композиции, эмоций и идей, лексического состава, синтаксических «фигур», рифмы, строфики, фоники у того и другого поэта... Это я к тому, что о каждом истинном произведении поэзии можно говорить достаточно целостно и подробно, такой разговор может затянуться надолго...

Но мы снова вернемся к книге Владимира Кудрявцева «Венцы».

Выделим особенности третьего и четвёртого «венцов». Что здесь? А мы видим жизнь обычного «отпускника» в деревне! Он ходил на рыбалку («Брошу всё и пойду на речку...»), «Хорошо на речке одному...»); любит красотами природы («Мои любимые минуты...», «Воздух греется, как от жаровни...» и другие стихотворения); конечно, помогает родителям по дому и в сборе лесных даров («Топлю в деревне баню...», «Вот и август стоит в полный рост...»); ворошит в себе светлые и добрые воспоминания о детстве («Свидание»), поглядывает на жизнь «нынешней» деревни, в общем-то, со стороны («Крестьяне спать ложились рано...», «Со стороны глядеть – всё просто...»).

Но сердцем и душой переживает трагедию «малой» родины («Я погорелец. Я осиротел...», «Дом сгорел. Зарос осокой пруд...», «Нет деревни. И дом мой сожгли...»). Кстати, я не преднамеренно выбрал эти зачины стихов: образ «пожара» в то время для поэзии В.Кудрявцева был одним из доминирующих.

Пятый «венец» – это, если тут применить выражение Л.Н.Толстого – «мысль семейная». В плане «настоящего»: отношения с отцом, с женой, с детьми; в плане «прошлого» – память о горестных утратах... Здесь я не буду влезать своим «топорным» слогом. Наверное, каждый захочет прочитать многие стихи из этой главы в тишине и одиночестве...

А вот перед шестым «венцом» я, всё-таки, опять остановлюсь. Почему-то не покидает чувство, что я по-прежнему не столь убедителен в доказательстве своего тезиса, что «Венцы» – это полновесная к н и г а. Вроде бы ясно, что в ней есть «сквозной» сюжет, о д и н лирический герой, но давайте поговорим тогда и о с т и л е (как единстве содержания-формы) Владимира Кудрявцева,. Например, уже несколько раз отмечалась особая доверительность интонаций его стихотворений.

Между прочим, как мне кажется, добиться этого чрезвычайно трудно.

Наверное, почти всегда поэту хочется выступить в роли глашатая-бунтаря, или – в противовес – смиренного наблюдателя со стороны, самому в «драке» не участвуя. Владимир Кудрявцев почти всегда избегает таких крайностей. Его герой и «добр» в меру, и «зол» без фанатического накала, хотя порой и тут нервы не выдерживают.

(Уместно привести такую аналогию из педагогики: учителя нередко говорят, что кого из учеников криком не возьмёшь, того и шёпотом не проймёшь. А что нужно? Спокойствие и уравновешенность!)

Но вот как совершенно справедливо писал об этом Александр Цыганов, правда, по другому поводу, но, конечно, имея в виду и стиль «Венцов»: «...О чём бы ни говорил он в своих стихах – о своём детстве, отрочестве и юности, о родных и близких, о любви, о самом себе или же о судьбе родины, ему в е р и ш ь (разрядка моя – А.С.). Верить доверительной, страстной и взволнованной интонации. Потому что это голос самой души³²...».

Но «душа» душой, а есть такие «технические» особенности стихов В.Кудрявцева, которые и оставляют впечатление доверительности. В частности, в ритмике он чаще всего использует традиционнейшие четырёх- или пятистопные ямбохореи и хориямбы, своей интонационной гибкостью приближенные к обычной разговорной речи.

«Рифмовка» тоже не отличается особой изысканностью: почти всегда это в четырехстиховой строфе – абаб (исключения – поэмы «Подорожники» и «Моё поколение» и некоторые «сказовые» стихотворения, например, «Сельская площадь», «Однажды зимой», «В поезде». Там есть более сложные случаи, но, надеюсь, читатель увидит это сам). Но в данном случае, важно отметить, что этими приёмами создаётся единый ритмический цикл всей книги «Венцы».

Не отличается большим разнообразием и композиция стихотворений. Она почти всегда выстроена по модели «развёртывания» тезиса зачина, ну, как, скажем, колоса из стебля. Высказывается тезис, дальше идёт его обоснование: в пейзаже, в собеседнике, в эмоциональном состоянии. (Мы это видели на примере разбора «композиции пространства» в стихотворении «Посмотрю направо – перелески...»). Сюжетная линия тоже почти всегда ориентирована прямо от зачина к концу, хотя иногда используется и композиционное «кольцо».

Да, я зык?.. При первом чтении «Венцов» он и вызвал у меня больше всего недоумений. Не понимая замысла поэта, я предположил, что он слишком «усреднил» свой лексический выбор, почти лишив его «поэтизм», тропов и иных «технических» ухищрений.

Правда, о «безыскусности» языка немало говорили и в отношении, например, Николая Рубцова или того же Юрия Кузнецова. И до того много и часто говорили, что Вадиму Кожиному пришлось на этом останавливаться специально:

«Да, поэзии Рубцова не свойственна та прямая, очевидная сложность, которая бросается в глаза каждому. Нет в ней ни изощрённых метафор, ни причудливых образных ассоциаций, ни необычных словосочетаний, ни оригинальных звуковых и ритмических структур... Это, однако, ни в коей мере не означало, что он упростил свою творческую задачу...

И я постараюсь в дальнейшем показать необычайную сложность созданного Рубцовым поэтического мира. Сложность эта особенно велика потому, что она залегает в самой глубине и воплощает в себе не изощрённость поэтического зрения, но внутреннюю сложность самого бытия (точнее события) человека и мира»³³.

О «сложностях события человека и мира» в данном случае мы не будем, но обратившись к жанровым особенностям многих стихов Владимира Кудрявцева в «Венцах», мы обнаружим, что нередко это или «дневниковые записи» (оставленные, как зарисовки на память или мысли на обдумывание в будущем), или «письма» знакомому ровеснику.

Тут в языке нельзя было допустить промаха. Завьсь он его, скажем, поэтико-народной символикой или излишней метафоризацией, как это делал Юрий Кузнецов, сообщение могло быть просто не понято адресатом; занизь, например, до «вульгаризмов» (как бывало у В.Высоцкого) или нецензурщины (как это встречается, к сожалению, в некоторых театрах) – это тоже бы вызвало отторжение. Нужна была сдержанность и умеренность, поэт ей и следовал.

Пожалуй, и тут можно повторить вслед за Вадимом Кожинным, пишущем о Николае Рубцове: «Стиль же основных произведений Николая Рубцова опирается, с одной стороны, на сугубо современную разговорную речь деревни, а с другой – на прочные стилевые традиции классической русской поэзии от Пушкина и Лермонтова до Заболоцкого и Твардовского»³⁴.

Да, «от Пушкина и Лермонтова», очевидно, идут почти все русские поэты.

С Твардовским в стилевых особенностях Владимира Кудрявцева, действительно, общее есть и, прежде всего, в композиционных приёмах «развертывания» образа, да и «эпических» началах ряда стихотворений. Но иногда мы находим у него «следы»³⁵ Сергея Есенина (...Давно ли роща – только не со мной, весёлым языком отговорила?), Александра Яшина («Весной спешу к разливу рек...»), Николая Рубцова (единство многих образов, чаще всего в описаниях природы и темы «деревни»), а остальное в виде «расширения и углубления» их же основных тем и образов...

Отметим, что в помощь Владимиру Кудрявцеву и сам метод р е а л и з м а, о котором мы говорили, вспоминая особенности «вологодской школы». Владимир Кудрявцев строго следует этому принципу. Нет у него ничего былинного, сказочного, фантазмагии и просто любой «мистерии», хотя как раз реализм всё это допускает. Как мы знаем «фантастогорийный» мир Гоголя или Достоевского не менее реален, чем художественный мир откровенно «жизненного» Толстого.

Если же вспомнить об особой доверительности поэзии Владимира Кудрявцева, то уместно привести слова М.М.Пришвина на эту тему. Он писал: «Поэзия не есть простое воспроизведение действительности, а суд над нею. Вот почему требуется время, чтобы переживание, или впечатление, или так называемая «действительность» стали предметом поэзии: нужно время поэту – судьбе, чтобы во всём разобраться, одно осудить, другое оправдать, всё рассудить и создать достоверность»³⁶.

Основную тематику «Венцов» можно свести к нескольким формулам: «жизнь и смерть», «человек и народ», «свет и тьма», противоположности «добра» и «зла»...Заметим, что тема «добра и зла» – одна из основных в творчестве поэта. Да, не раз отмечалось, что его стихи, особенно, раннего периода, пронизаны каким-то сверхчудесным с в е т о м добра. Даже предполагалось, что излишним. Но шло это из детства, из деревни Попово, из устойчивого деревенского бытия, скреплённого, прежде всего, д о б р о м.

Но разве Владимир Кудрявцев не знал о тех «свинцовых мерзостях» деревенской жизни, которые, например, увидели, правда, в другом измерении времени Варлам Шаламов или Виктор Астафьев в «Печальном детективе»? «Не пойте мне про «народ», – гневался Шаламов³⁷. Но я убежден, что он просто не знал крестьянского м и р а, да и идейная позиция одного из «друзей Троицкого», мягко сказать, не вызывает у меня понимания и сочувствия.

Как раз Владимир Кудрявцев и «поёт» про народ, а точнее – от имени народа, поёт искренне и чисто. Он, наверное, видел в деревне дебоширов, пьяниц, хулиганов, сплетниц... (Повальное пьянство, кстати, во многом в русскую деревню «занесли», как заразу, бывшие фронтовики, израненные телом, а больше душой, отравленные ежедневными фронтовыми «ста граммами». До войны русская деревня была почти абсолютной «трезвенницей», этому есть множество свидетельств.)

И «кулачные» стычки были, и на вилах мужички иной раз сходились, и деление на «своих» и «чужих» было – так это шло от природной основы крестьянина. Всё-таки должно было мужику проявить себя в отстаивании своей территории проживания. В конце концов, тут был и «воспитательный» момент: проверялась играючи сила, которая закаляла характер и волю, чтобы проявить их потом в настоящем деле, хотя бы на войне.

(Неужели у кого-то есть сомнения, что Великую Отечественную войну выиграла, прежде всего, «крестьянская» Россия, ведомая полководцами во главе с Георгием Жуковым из своих же рядов. И тыл она вынесла на себе, точнее, на плечах простых русских крестьянок!..)

Владимир Кудрявцев не пишет об этом впрямую, но, конечно, в своей «генной» памяти крестьянского сына держит и эти обстоятельства, просто не акцентируя своего внимания именно на «чернухе», а видя перед собой возможности воплощения в поэзии с в е т а народной жизни.

Но тут мы подходим к шестой главе книги «Венцы».

Она особенная, во многом ключевая, дающая понимание всего замысла поэта. Пройдя через осмысление «частного» опыта бытия своей деревни, своих односельчан, «личного» опыта в становлении своей семьи, лирический герой книги «Венцы» приходит к главному итогу: нужен выход в «народ»!

А точнее нужен д и а л о г³⁸, хотя бы на уровне личность-общество. Мы ведь видели, что в первых главах «Венцов» многовато именно «монологичности» лирического героя, скажем так, рассказа о себе и близком окружении. И был нужен выход к более широкому кругу собеседников: «личное» в поэзии всегда должно выходить к «общему».

Он нашёлся в диалоге (пока ещё!) со своим поколением! Но – спросите вы – а где «голоса» в этом диалоге?

Первый – это те, кто остался верен своей родовой и исторической памяти «крестьянского сына» русской деревни.

Второй – своеобразные «маргиналы» и в деревне, и в «городе», в силу разных обстоятельств родовые корни свои обрубившие. При этом, предполагает поэт, что круг изначальных ценностей был для обеих частей «поколения» в целом равнозначным.

Ключевым произведением книги и является поэма с названием – «Моё поколение». Вот как я писал о ней сразу после выхода «Венцов»³⁹.

«Самое главное для Владимира Кудрявцева, что поэзия – это возможность объяснить читателю своё миропонимание на примерах ярких, актуальных, подчас очень тревожных, но характерных для нашего времени. Для анализа мы возьмём вот такое стихотворение. Оно нам необходимо, чтобы продолжить разговор о том, почему мы считаем данного поэта выразителем своего поколения.

Между прочим, стихотворение называется... «Моё поколение»! Вот ведь как интересно. Оно и к лучшему: поэт сам поведает, что наразмышлял о своих сверстниках. А картина, между тем, получается не больно радужная:

Отпущенный век нам –
Печально короткий.
Век добрых и верных,
Но слабых людей.
Сгорало моё поколеньё
От водки,
Томилось в плену
Скороспелых идей...

Какой там мега-«метафоризм»! Всё предельно обнажено, обострено. Это почти приговор! Без права на оправдание. Нет, стойте, нужно ли так? Значит, ярлычок «потерянное», прилепившийся к этому поколению, вовсе неслучаен?

Вопросы будут множиться. Но автор, не желая останавливаться, добавляет новых красок в коллективный портрет своего поколения. «Мы славили стройки. Плодили почины. Мы бились за хлеб, за жильё и за сталь. Мы следствия путали часто с причиной, душой устремлённые в светлую даль.» Всё верно? Вроде бы... А вот это? «...И, зная всю правду, мы правды боялись, мы, хоть каждый уверен был в том, что не трус.»

Нет-нет, даже и продолжать не хочется. И спорить тоже. Но разве всё так печально в жизни того поколения? Поэт, впрочем, и сам предупреждает, что «жалеть нас не надо!

У нас ещё хватит и воли и сил. Хоть много уже за церковной оградой мы вырыли сверстникам нашим могил.»

Почему так случилось? Снова спрошу, почти без надежды услышать внятный ответ. Нет, голоса всё-таки прорываются. «Проклятие», видимо, в том, что у целого поколения молодых тогда людей не оказалось «обратной дороги» к «разорённым гнёздам». Возвращения к своим истокам уже не будет! Быть может, «старинная песня, забытая нами», уже не вселяет надежду на полное и свободное пробуждение к самой жизни. Но бывает ли поколение «потерянным»?

Владимир Кудрявцев, например, уверяет, мол, неважно, что «был короток век моего поколения, но главное в том, что он всё-таки был!» Что ж, это верно: связь времен разорвать можно, а вот поколения будут следовать друг за другом. Лишь бы ошибки одних чему-нибудь учили потомков.

Но это всё содержательные стороны этой небольшой поэмы. Если вам доведётся перечитать её вновь, обнаружится, что поэт использует достаточно простые поэтические средства: очень мало эпитетов, встречаются «стертые» рифмы (да и богатства их особенного не почувствуешь), иногда задаётся слишком односложный размер стиха...

Между тем, поэтический накал ощущается с полной силой. За счёт чего?

Думается, за счёт нагнетания мысли, внутреннего напряжения образных построений. В тексте, повторимся, нет литературных изысков. Этот принцип позволяет поэту быть предельно понятным своему ровеснику, ради которого, надо думать, «Моё поколение» и создавалось. Владимир Кудрявцев нашёл своей подход к теме. И сумел выразить «своё» теми средствами, которых этот материал и требовал:

У нас ещё хватит
И слёз и терпения.
Успеем поведать ещё
О себе.
Откликнись же, где ты,
Моё поколеньё,
Моё –
По рождению
И по судьбе.

Возможен ли диалог? Будет ли он в принципе, когда целое поколение размётано во времени и в пространстве эпохи? Ответа нет. Но, вероятно, это уже не так и важно. Эхо именно этого поколения будет услышано».

Да, поэт ещё в 1980-е годы взял на себя сложную миссию: запечатлеть в поэтическом слове судьбу своих сверстников, изломы и потери поколения «последних детей» русской деревни. Была ли эта его сверхзадача изначально умозрительной или была вложена в голос поэта «свыше» – в данном случае не суть дела. Допустим, что он сначала «от головы» решился на такой шаг, но поэт-эпик в нём возобладал. И мы видим, что тема «своего поколения» стала потом сквозной для Владимира Кудрявцева.

Сейчас, правда, хотелось бы сделать очень существенное дополнение к тем своим размышлениям. В то время я сделал акцент на том, что поколение, рождённое в 1950-х годах, можно было считать «потерянным».

Впрочем, так говорили практически о каждом последующем поколении вплоть до тех, кто вступал в жизнь уже в 1990-е годы. И правда, каждое было чем-то обделено, каждое испытало серьёзнейшие передрыги русской истории (например, «застой», афганскую или «чеченские» войны, «дикую капитализацию» страны и так далее), переоценку (обычно навязанную извне) основных жизненных ценностей.

Но теперь я думаю, что поколение Владимира Кудрявцева в этом ряду самое трагедийное в послевоенной истории страны. Оно не только «потерянное», но ещё и *п о т е р я в ш е* самое, конечно, дорогое: духовную и реальную связь с родной землёй, с истоками исторической и родовой памяти крестьянской Руси-России, которая была впитана им, как говорится, с «молоком матери». Эта потеря отразилась не только на этом поколении, но и на всех последующих!

Недаром одной из заметных тем Владимира Кудрявцева на протяжении многих лет, как это не покажется парадоксально, является тема «сиротства». Она не выявлена часто напрямую, но во многих образах и мотивах мы её слышим отчётливо:

...Перепахана дорога.
Горек мой обратный Путь.
Не найти теперь порога,
Где бы мог я отдохнуть...

Или уже в «пейзажной» лирике:

Покой запустенья окрест.
Шныряют по зарослям ветры.

Сиротская сырость небес.
Пустынных тоска километров.

Как мы помним, особенно пронзительно эта тема прозвучала в поэзии Николая Рубцова. Тому множество примеров. Да и всему поколению, рождённому в 1930-х годах, сиротская доля досталась сполна⁴⁰. Хотя и говорил Рубцов, что «нас оскорбляло слово «сирота», но он-то как раз и прожил свою судьбу «сиротой казанской», без семьи и крыши над головой. Другие писатели из его поколения не так почувствовали своё одиночество: у всех оставался дом на родной сельщине, они от своей безотцовщины спаслись и в материнском слове, и от тепла «родного очага».

Совсем другая основа «сиротства» у поколения Владимира Кудрявцева. Изначально у него было главное: крепкие корни крестьянского рода. Но их обрубили, как мы уже видели, почти в одночасье. И целое поколение оказалось в сиротском положении. И остаётся им поныне...

Есть о б р а з, который Владимир Кудрявцев ведёт на протяжении всего своего последующего творчества. Мы видим, что он один из немногих в своём поколении пытается смоделировать целостность и гармоничность «поколенческого» миропонимания.

В стихах это выражается так: во всех явлениях, которые стали фактом поэтического воплощения, Владимир Кудрявцев идёт от главного: как это явление укладывается в его *концепцию* Д о м а. Так нашлось ключевое слово, которое точно и ясно позволяет выразить тематику большинства стихотворений данного поэта.

Я дом рублю на видном месте.
От деда мне наказ такой –
Всё обустроить честь по чести
Не на чужой манер – на свой.

Что в центре внимания Владимира Кудрявцева?

Присмотримся и увидим, что чаще всего это то, что является основой жизни человека – отношения между родными и близкими, дружба, работа, семейные праздники и будни радости и горечи, память о предках, бытование человека в его разнообразных проявлениях...

Вообще-то поэзия этот пласт трогает редко. Слишком много штампов, обыденки, которая едва может быть интересна читателю.

Иного мнения Владимир Кудрявцев. Его стихи как раз и воссоздают впечатления мимо бегущих дней. Именно привычность явлений, их повторяемость, даже тривиальность помогает найти единую «образную систему», которую поэт использует в своём творчестве.

...И поверить боязно, поверь,
Вдруг и здесь душой не отогреться!
Замирая, открываю дверь
В кладовые юности и детства.

Не за тем, чтоб заново начать
Жизнь свою, не прошлому молиться.
Мне бы то, что прожито, понять
И с пути-дороженьки не сбиться.

Это, конечно, похоже на заклинание. Тут, надо полагать, поэт прав в одном: жизнь достаточно коротка и надо успеть совершить в ней главное – скрепить прошлое и будущее, стать звеном в цепи поколений, чтобы она не порвалась, а «свеча», по выражению древних, не погасла.

В таком миропонимании урок не только для себя, но и для своих сверстников. Тут мы возвращаемся к той теме, которую не раз затрагивалась в этих заметках.

Владимир Кудрявцев своим творчеством пытается осознать и вторую ипостась своего поколения: что же оно несёт в будущее?

Может показаться, что утверждение вечных добродетелей – скучное занятие. И не совсем сегодня актуально для поэзии. Время и жизнь предлагает новые ценности. Новые поколения, конечно, более активно и легко воспринимают их. Правда, можно ли сходу понять: какие из них необходимы, а какие ведут к духовному тупику? Хотя и сегодня уже явно видится: что есть в нынешней жизни хорошо, а что в ней - плохо...

Владимир Кудрявцев убежден, что формы взаимоотношений в семье ли, в обществе, прошедшие проверку многими поколениями, жившими до нас, более жизненны, чем те, которые возникают на пустом месте.

И в этом есть великий смысл.
Чтоб на земле не затеряться,
Вот так, наверное, и мы
Должны друг другу откликаться.

Поэт снова говорит о Д о м е, но уже в космическом, всеобъемлющем смысле. В этом продолжение традиций «крестьянской» поэзии, которая отдавала дань такому понимаю мира. А традиция в поэзии всегда – дело не только ответственное, но и перспективное...

Ну, а мы подошли к завершающему аккорду нашего разговора о к н и г е Владимира Кудрявцева «Венцы». Хотелось достаточно подробно, по возможности полно, рассказать о разных её особенностях, как идейно-образных, так и со стороны поэтики. Первая книга всегда важна именно для писателя. Она важна, как я в л е н и е нового имени читателю, она определяет стержневые темы и образы, которым будет следовать поэт. Но понятно, что всех т е м нашего разговора, которые возникают при анализе творчества В.Кудрявцева, мы не исчерпали. Поэтому обратимся к другим его книгам. И прежде всего, ко второй его книге «Алевтинин ручей»³⁹.

* * *

Тут я снова прибегаю к самоцитированию, чтобы познакомить читателей с ещё одним жанром из арсенала литературного критика, который называется рецензией. Рецензия, надо сказать, жанр оперативный, часто пишется, как первый отзыв на вышедшую книгу. И вот у меня есть возможность не только познакомить вас с ним, но и завершить разговор о книге через много лет после её выхода к читателю. Рецензия называлась: «Чего душа забыть не может»⁴².

«Среди его поэтических сборников, старых и будущих, этот – «Алевтинин ручей» - всегда теперь будет стоять наособицу. Владимир Кудрявцев дал ему подзаголовок – «Стихи, посвящённые матери». И этим сразу обозначил, что это не просто стихи, как отражение жизни вообще, в её изломах и случайностях, но – память о самом дорогом человеке...

Во времена смутные, неустойчивые всё больше тех, кто боится своих душевных порывов, распахнутости и искренности чувств. Таково свойство времени, таково свойство человека, лишённого вдруг привычных ориентиров духовной и душевной жизни. Это очень болезненное состояние. А как его преодолеть? Все ли знают?

«Стихи, посвященные матери»... Мне показалось сначала, что тут слова не хватает: стихи, посвященные памяти матери. По-видимому, это было бы верней для истинного восприятия всего сборника. Но нет, читая, перечитывая «Алевтинин ручей», вдруг понимаешь, что поэт более прав, чем это может показаться на первый взгляд. Память нужна о том, что можно забыть. А можно ли забыть маму?..

Я, родная, сегодня во сне
Видел, будто бы мы спозаранку
Уходили с тобой по весне
Расчищать молодую делянку...
Под ногами похрустывал наст,
Гулко бредили медные сосны...
Были, мама, вчера и у нас
В этой жизни счастливые вёсны!

Если бы не прошедшее время сказуемых, то можно увидеть вполне привычную бытовую ситуацию. Легко представить, что в минуты совместного труда как раз и появляется то единение родных душ, которое разорвать уже нельзя. И в этом счастье, это понятная, близкая каждому единённость сосуществования в этом мире. Состояние радости укрепляется и от созерцания природы: весеннего леса, нежно-зеленой травы, пения птиц, высокого, чистого неба...

Отошла, отлютовала стужа,
Тропка, голубая от воды.
Точно небо бегало по лужам
И оставило свои следы.

Вот так бы вечно! Но контрапунктивно уже вплетаются другие чувства и настроения. Они занимают всё больше места в душе, заставляя думать и размышлять о том рубеже, где наступает конец земного существования.

Тих и не весел
Больничный уют.
А за окошком
Весна разыгралась.
Давит на сердце
Тоска и усталость –
Ни на минуту
Уснуть не дают.

Наверное, в конкретике жизни, когда ещё не осознаешь до конца предстоящей утраты, всеми силами оттягиваешь её, бывает такое смятение души, что всех состояний её передать нельзя. Но потом, со временем, когда боль утраты подзати-хает, можно попытаться многие из тех состояний осмыслить. Это сделать всегда сложно, но, наверное, необходимо

Ибо утраты – тоже часть нашей жизни. К ним нельзя привыкнуть, но они могут научить стойкости, чуткости ко всему живому, дают понимание того, что человек не вечен, но жизнь души никогда не прекратится.

И надо думать не только о себе, о своём горе, но и тех, кто остался рядом:

И поэтому, уединяясь,
В краю заброшенном, но милом
Я вновь нащупываю связь
Уже не с тем, а с этим миром...

Боль утраты уже никогда не забудется. Мотивы одиночества, невозвратности светлых дней ещё не раз возникнут в этом сборнике. Казалось бы всё это – лишь переживания лирического героя. Мало кто знает, как лечить душу. Но ведь есть уверенность у поэта, что разбудить её можно.

Истинный поэт всегда старается передать другим такие состояния, которые испытывают все другие люди в схожих обстоятельствах. Да, уход родного человека – что может быть страшнее. А потеря, например, Родины, разве несопоставима по силе чувствования? Нет, не у всех, не у каждого, но у нравственного, духовно чистого человека понятия родины и матери – категории, конечно, одного, самого высокого порядка. Мы можем предположить, что Владимир Кудрявцев своим сборником «Алевтинин ручей» даёт нам знать и об этом:

Да! В честь меня молитвенно опять
На каждого из нас и всю державу
Во славу мёртвых и живых во славу
Бог посылает мир и благодать...

В этой книге много стихов, которые по-разному заденут самые глубокие струны читателя. Каждый их сможет почувствовать в меру своего опыта жизни, вообще отношения к людям близким и далёким. Смута и смятение души, боль утрат и радость обретений – такие состояния испытывают почти все. А поэт просто подскажет направления наших сопереживаний с его душой. В этом сила поэзии, в этом единение душ и в этом, и в том мире.»

А вот теперь буду дополнять себя, и даже отчасти спорить сам с собой. Дело в том, что в данной рецензии не были затронуты очень важные стороны р а з в и т и я таланта Владимира Кудрявцева.

В режиме оперативного отклика, каким является рецензирование книг для газеты, почти никогда не удаётся раскрыть её содержание полностью, обстоятельно поразмышлять над всем «комплексом» идей и образов, заложенных в ней. Так получилось и с этой книгой стихов (мы не будем повторяться о «книжном» складе мышления поэта Владимира Кудрявцева).

Одна тема: брэнной, «конечной» земной жизни и небесной «вечности» – достаточно полно в рецензии отражена. (Ярко выявлена оппозиция: «земля» – «небо».) Земная жизнь выведена в образах, прямо скажем, грустных, а порой – трагедийных. Не будем говорить только о «кладбищенских» мотивах и образах, но и в «личном» плане у лирического героя Владимира Кудрявцева слишком много состояния «ночного», «тёмного», совсем не характерного для его творчества.

...И снова приступ темени
В глазах –
Средь бела дня!
Иль я уже вне времени,
Иль время вне меня?..

Да, всё это так: в жизни – чёрная полоса. Но есть ли выход?

И вот теперь, через много лет перечитывая «Алевтинин ручей», по-новому увидел я тему «природы», которую отмечал, конечно, и при первом чтении, но не придавал ей решающего значения. А даже по «арифметическому» раскладу стихов в книге можно было понять, что стихи о природе составляют даже большую часть её, чем сама «жизнь».

Провёл я небольшой эксперимент: взял и прочитал только стихотворения по этой теме. И вдруг выяснилось: как много света в них, какое ощущение вечности, а свет – это по сути единственный вектор движения к бескрайности бытия. Ведь если брать категорию «пространства», то даже между звездами расстояние конечно, поделено на отрезки. И только свет льётся во все стороны Вселенной, не зная препятствий...

Берём строки из книги, где так или иначе есть световые параметры, хотя бы в отражённом состоянии, например, «заискрились листья»⁴³.

Мы силу черпаем из светлых глаз...

Свет родниковый – свет живой...

Сквозить в серебряном мерцании...

**И в нас сквозит он – жизни свет,
Свет талых вод...**

Свет Вечности и грешных лет

Таким весёлым, светлым, юным!..

До ясной зорьки самой...

Изба, наполненная светом...

И сонный ветерок, как светлый дух ночных видений...

Вот-вот и свет придёт в движенье...

И меня поднимает чуть свет...

Звонкую музыку светлых небес...

Мучительно долгий рассвет...

Здесь скорбно, светло и печально...

Месяц ясный – для кого?..

На светлый лад настрою душу...

Заискрили листья на стерне...

В мою ли честь так тих и светел дом?..

Вечер первого снега – светел, вкрадчив и сух...

**И пусть он, светлый,
Носит имя
Усопшей матери моей...**

Итак, в небольшой по объёму книге, насыщенность с е т а настолько очевидна, что на это, пусть и не сразу, всё равно обращаешь внимание.

Да, скажет кто-то, в «Алевтенином ручье» хватает и «тьмы», достаточно и «ночи» в противовес «дню». И это верно. Но важно, что «свет» изначально побеждает «тьму», он выступает о с н о в о й жизни. Более того, с в е т у Владимира Кудрявцева существует в двух измерениях: свет вечности и свет земной жизни. Первый определяет весь смысл вечного историзма природы и человека, как части её. Второй – надежда и опора жизни человека в социуме, то есть среди людей; если меркнет этот свет, но жизнь в своей бытийной конкретике теряет свою целесообразность и душевное равновесие...

Так одному порой
Остаться хочется.
Но, видно, не понять,
Наивным,
Нам,
Что крепче мы.
Оставшись в одиночестве,
Привязаны
И к людям,
И делам...

Но за этим порывом души открывается и другое: «свет земной» должен естественно переходить в с в е т высший, в свет Вечности и Высшего Разума! (По-моему, тут видны «следы» учения Владимира Вернадского о ноосфере, или Алексея Лосева о бытие и космосе⁴⁴). А по сути, всё это выходит из космогонизма «крестьянской поэзии», давно освоенного другими исследователями.

Да, через с в е т лирический герой Владимира Кудрявцева пытается пробиться к Высшему Разуму (именно – пытается, я не говорю, что всегда определённо на эту стезю выходит, но тут важно направление поиска), заменяя его в своем поэтическом словаре на слова «божественный», «Бог», «господь», «Всевышний». Или близкие по смыслу им слова, в частности, «Вечность», «небесный», «дух», ну, и все разновидности с в е т а.

Впрямую поэзия Владимира Кудрявцева почти лишена откровенного «философствования», как это было, скажем, у Пушкина (отчасти), Тютчева, А.Хомякова, А.Лосева и других представителей «философской» лирики. Но всегда в преобладающей системе образов данного поэта «вычитываются» и его склонности к мыслительному постижению мира, его приверженность к освоенной им модели жизни и разума.

Лирический герой его всё-таки чаще более раздумчив, глубок разумом, чем откровенно легкомысленен или беспечен, тем более – ироничен. Особенно, в «минуты роковые» своей судьбы, исторических катаклизмов страны и мира. В «личном» плане это особенно видно в книгах «Венцы», «Алевтинин ручей», в «общественном» – в последующих книгах, таких как «Благословение», «Исповедальный день», «Пророчество кукушки», «Свет осени».

Но, завершая размышления о книге «Алевтинин ручей», я хочу поговорить и на тему: «природа в поэзии Владимира Кудрявцева»⁴⁵. Собственно, это можно было сделать и на примере «Венцов», но в данном случае будет, по-моему, ещё уместней.

И в «Венцах» можно увидеть очевидную с л и т н о с т ь вчерашнего «крестьянского сына» с самой природой, она для него определённно лишь с р е д а обитания: выйди из дома, а тут сразу – поле, трава, цветы, овраг, речка, лес, небо, солнце или луна... Там нет как таковых пейзажей: природа «даётся» взглядом привычного к ней человека, видящего её каждый день, живущего в ней.

Правда, В.Кудрявцев уходит и от традиции «крестьянской» поэзии показать крестьянина, как работника в природных условиях (ближайший по времени пример – поэма «Страна Муравия» А.Твардовского), тем более – «хозяина» её. И уж тем более – «покорителя», как у того же Твардовского в поэме «За далью – даль». Правда, у него всё-таки с оттенками сомнений в этих «подвигах», а не как у Евг. Евтушенко в поэме «Братская ГЭС» с восторгом и человековозвеличиванием.

Нет, у В.Кудрявцева в «Венцах» это по большей части спокойное и отчётливое понимание, что природа – это «божественная» данность, повседневность крестьянского быта, в какие-то моменты жизни место для работы, в другие – «зона отдыха».

По сути это близко понимаю отношений человека и природы у Николая Рубцова:

...Я с поникшей годовою,
Как выражение осени живое,
Проникнутый тоской её и дружбой
По косогорам родины брожу...

Я уже отмечал важность иногда именно второстепенных частей речи, например, предлогов.

Помните: «о т чего-то» или «д л я чего-то». В данном случае, союз «как», многое и определяет. Точнее, он остаётся на месте, но инверсионность слов вокруг него даёт ключ к смыслу предложения. Вдумайтесь: человек, к а к природа! Или – природа, к а к человек!

Для сравнения с мыслью Рубцова: «Я, как... выражение осени», читаем у Есенина:

Край ты, край мой родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой
Ты поник головой...

«Край мой», понятно, в данном случае «природная» основа жизни крестьянина, пахаря и солдата (вой – это воин), но он, к а к человек «поник головой». По-научному это называется – *антропоморфизм*, а по-простому: «очеловечивание» природы и придания её явлениям черт самого человека. Тут примеров множество не только у Есенина, но и многих поэтов его направления, а начиная, пожалуй, ещё от Батюшкова и Державина...

Но интересно, что Владимир Кудрявцев (во всяком случае, в «Алевтенином ручье») выходит и на другую ипостась д и а л о г а человек-природа.

Он возвращает ей больше языческий смысл: природа – как «церковь» для современного человека, природа – как т о т е м⁴⁶. Вот, например, очень важное стихотворения для прояснения этой мысли:

Убегу на берег дикий
Солнцем пахнувшей реки,
Где висят над земляникой
Невесомо мотыльки.

Сяду, сгорбленный, под вербу.
Сил остатки сберегу
У природы милосердной
На пустынном берегу.

Просижу до самой ночи
В ожидание Суда.
Пусть у ног моих клокочет,
Пенясь, чистая вода.

Я спешить домой не буду.
Мама жизнь не сберегли.
Пусть хоть здесь вершиться чудо
Воскрешения Земли.

Пусть хоть здесь, вдали от дома,
Где тоскуют пастухи,
Мне отпустит чёрный омут
Мои смертные грехи...

Видим: всё, вплоть до совершений молитв и таинств, других проявлений Божьего промысла, таких как «божий» Суд и воскрешение (правда, не души, а Земли – тут она скорее именно т о т е м и есть), входит в единую систему природной «церкви» современного человека, ищущего спасения от грехов и боли души в повседневной жизни.

...И мы вот так, когда невмочь,
Не на миру – в пустынном поле! –
Душою выкричавшись в ночь,
Освобождаемся от боли...

Цитата не противоречит вышесказанному: как известно, среди обрядов язычников был обыкновенный бессловесный крик на одной ноте, подобие молитвенной песни, что и соответствует настроению лирического героя В.Кудрявцева.

А в подтверждение находим у него и народно-поэтическую символику, редкую в его поэзии. Например, светлый ручей, очевидно, берущий начало из родника с «живой» водой, а ворон – это символ вечности, который этот ручей и стережет...

Заметим, что такое отношение в диалоге человек-природа у В.Кудрявцева есть, пожалуй, только в этой книге. Потом он вернулся к этой теме в ракурсе: «человек, как природа», впрочем, и «очеловечивания» её не избегая.

Хотя нет, постойте. Совершенно неожиданно, в книге «Времена года»⁴⁷, увиделось и другое.

Поэт вернулся к почти забытой традиции л у б к а⁴⁸, а я бы даже сказал «палеха», как известно, народного художественного промысла, выделяющегося многоцветностью миниатюры, стремительностью композиции, основанной на народно-поэтических образах, будь-то стремительные тройки, или красные девицы либо сказочные богатыри, или обобщенных образах русской природы, например, сосны или берёзки.

А это достаточно утилитарный подход к теме природы. Тут красота рукотворная, обобщенная, а образ, кстати, нередко несёт в себе и признаки тотемности – преклонения перед явлениями природы. Ну чем, скажем, не сюжет для какого-нибудь художника из Палеха:

Рябой в светло-красных подпалинах.
Скоблится копытами в дверь.
Глаза цвета робкой проталины,
А грива – берёзовых серьг.

Он в упряжи праздничной смолоду
На масленицу-веселу
Промчится в кошевках по городу
И скачет в снях по селу...

Тут всё есть: и сюжет, и стереоскопичность композиции, и даже цвета подсказаны, только рисунок. Нечто похожее, можно найти, например, и у народных художников-примитивистов: кому не памятны ковры на стенах в крестьянских избах с Иванами-царевичами на сером волке, или сестричка-Алёнушка у лесного озера, или три богатыря у развилки дорог...

Кстати, если говорить о стилевых особенностях, то именно в «Алевтинином ручье» появляются первые признаки «позднего» В.Кудрявцева. Если темы «настоящего» времени брэнной жизни решена ещё во многом по принципу «Венцов», например, в жанре «письма», то как раз в описаниях природы мы уже встречаем ту емкость образа, которая и отличает его «позднюю» поэзию.

Всё чаще он обходится уже одной или двумя строфами:

Зима беснуется,
Но сходит с круга.
За печкой радостней
Поют сверчки.
И почки тополя,
Дразня друг друга,
На волю высунули
Язычки.

Очевидно, тут видна «есенинская» традиция «очеловечивания» природных явлений, о чём мы говорили выше, но, в то же время, в ней нет «второго» метафорического плана, как

это почти всегда было у Есенина. (И лексика В.Кудрявцева, конечно, очень далека от есенинской.) А так образ очерчен кратко, почти с графической точностью изображения. Этот принцип дальше будет основным в изображении природы, например, в той же книге «Времена года».

Но, как ни жаль, надо расставаться с книгой «Алевтинин ручей». Мы отметили основные принципы творчества Владимира Кудрявцева. И только на примере двух книг. Рассмотрим и другие особенности творчества поэта.

Третья его книга «Благословение»⁴⁹ даёт повод вернуться к теме, которая намечалась ещё в первых откликах на творчество поэта. Уже тогда была замечена склонность поэта к лиро-эпизму. Действительно, он не забывал жанр поэмы, который, к сожалению, совсем заглох к концу ушедшего века. А ведь традиция эта в русской поэзии была мощная, основательная.

Из поэтов второй половины XX века ей оставался верен отчётливей других только Юрий Кузнецов, правда, значительно усовершенствовав этот жанр, сделав его компактным и насыщенным метафористикой и символикой.

В книге Владимира Кудрявцева три маленькие поэмы: «Конец века», «Исход» и «Письма из Крыма». Можно их назвать и трехчастными стихотворениями. Но думается, что это не так. Всё-таки, это поэмы. Пласты жизни, отраженные в них, говорят о выходе поэта на широкие обобщения и выводы, хотя и обрамлённые некоторым «автобиографизмом» лирического героя.

По сути, эти поэмы надо читать одну за другой. Тогда виден их «сквозной» сюжет, их взаимосвязанность тематики и образов. «Конец века» – это начало судьбы. «Исход» – её предварительные, прямо скажем, печальные и трагедийные, итоги. «Письма из Крыма» – обретение себя в новых условиях жизни, своеобразное воскрешение души. Интересно, что между первой и второй поэмами можно вставить поэмы «Подорожники» и «Моё поколение». Тогда мы получим весь спектр с у д ь б ы нашего современника, представителя последней значительной волны «крестьянских детей» второй половины XX века.

От рождения судьба виделась вполне благополучной. Её, как известно, не выбирают, но данная от рождения небесная звезда должна была вести в верном направлении. Тем более, что изначально мир предстал добрым и светлым.

Был тайной – Богом данный – мир.
От зыбки детской до могилы.
Я открывал его – любил!
Любовь к нему давала силы...

А дальше было обретение самого смысла судьбы, её основа:

Как я любил и как берёг
Мои миры от зла и порчи
Вдали от столбовых дорог
С наивной верой в мудрых кормчих...

Этот мир был нарушен вторжением потустороннего, «дьявольского» наваждения, хотя бы в виде телевизионных антенн. И добрый, целостный взгляд на мир был обрушен, он стал исчезать:

Век на исходе. Век мольбы.
Смертельной схватки тьмы и света
В переплетениях судьбы
Вождей, народов и поэтов...

В сущности, оставалось одно: вера в свою Звезду, вера в обретении наперекор судьбе своей духовной основы, укрепление её в делах и поступках.

Поэма «Исход» – это иллюстрация «смертельной схватки тьмы и света». Она – одна из самых трагедийных в поэзии Владимира Кудрявцева. В ней – судьба тех, кто остался жить в русской деревне после последнего массового исхода из неё в 1960-70-х годах более молодых поколений. Более того, попавших под молот «нового» времени, безжалостного и беспощадного. Одним словом:

Молчим, потупя взгляд,
Вокруг сырой могилы.
А, может, здесь она
Стоит Судьба сама?
Надолго ль хватит слёз!
Надолго хватит силы!
Не очерстветь душой
И не сойти с ума...

Да, я не знаю, какие тут нужны слова, чтобы ещё что-то говорить...

А вот поэма «Письма из Крыма» даёт ещё один ключ к «поздней» поэзии Владимира Кудрявцева. Она решена в тонах лирических, в ней проявляется ощущение будущего времени. После всех передраг и изломов ушедшего века, после всех предательств своего народа «кормчими», после насильственного разрушения основ и ценностей крестьянской Руси, после, казалось бы, утерянных ориентиров духовного развития, поэт значительно расширяет мировидение своего лирического героя.

Происходит это вроде бы случайно: во время прогулки по курортному приморскому городку, где тоже идёт жизнь, только отдалённо напоминающую ту, деревенскую, память о которой в душе сохранилась почти в неприкосновенности. И вдруг, почти как у Рубцова: «Взглянул на кустик – истину постиг...», лирический герой Владимира Кудрявцева, всматриваясь в чужую жизнь, приходит к выводу, что в своей основе земная юдоль одинакова, что в его лесной деревеньке в прошлом, что в этом крымской дворики века нового:

...Стою и думаю опять
О том, что дворик этот –
Космос!
Попробуй-ка его объять...

Становится понятно, что и его деревенский дом, и этот крымский дворик – начала одной большой Истории, в которую вливается судьба каждого человека. Впрочем, другие образы этих поэм тоже можно разгадывать не только в плане «автобиографизма», но и более широких обобщений.

В частности, поэт снова возвращается к своему главному образу – Д о м а. Интересно, что новое постижение лирическим героем Владимира Кудрявцева значения Дома для каждого человека идёт как бы от обратного: от «космического» понимания хода истории и судьбы каждого в ней – к истокам с в о е й судьбы.

Но сколь они не разны – всё же
При всей их разности, в одном
Они во всех краях похожи –
Ведь центр их мира –
Это Дом!..

Но как ни мал и ни огромен
Наш шар земной – милее всё ж,
Надежнее в родимом доме, в краю,
Где вырос и живёшь.

В данном случае не приходится говорить о простой «ностальгии», о каких-то попытках вернуться в прошлое. Нет, здесь выношенное прожитыми годами убеждение, что судьба человека, лишённого Дома, как в «космическом», так и личностном плане, наверное, вообще теряет стержень бытия, а всего скорее тот высокий смысл жизни, ради которого человек приходит в этот мир.

Вот самая «эпическая» мысль поэта, вот его основа творчества.

Очевидно, лиро-эпизм Владимира Кудрявцева проявляется не только в его попытках работать в жанре поэмы. Многие его стихотворения, особенно, на первой стадии творчества, имели признаки широкого охвата жизни, чем иной раз требуется для лирического стихотворения. Но я считаю, что из ныне работающих поэтов своего поколения, он, по-видимому, один из немногих, кто работает в этом направлении основательней других. Впрочем, эта тема не требует особого развития. Она вполне очевидна для внимательного читателя поэзии Владимира Кудрявцева.

А мы пойдём дальше...

* * *

Из трёх последующих книг Владимира Кудрявцева «Закливание»⁵⁰, «Пророчество кукушки»⁵¹ и «Исповедальный день»⁵² я выделил один поэтический цикл, который называю для себя «закордонным». Действительно, ведь он, как никто другой из поэтов его поколения, помотался по белому свету до Америки на западе и до Алтая на востоке, до архангельских болот на севере и до жгучей пустыни Синайского полуострова на юге, если точкой отсчета движения брать его родное селение Попово в костромской глухомани.

В его стихах нет, впрочем, восторженности неопита от чужестранных красот, или критичности иных «порядков», это взгляд спокойного наблюдателя за чужой жизнью, который имеет за плечами опыт русской жизни.

Сравненья здесь, увы, не в пользу нашу.
Но, сравнивая жизнь, скорей поймёшь:
Богатый мир – искусственно украшен,
А бедный наш – естественно хорош...

Но вот что интересно. Если бы вдруг поэт решился бы собрать все «заграничные» стихи (а это что-то около пятидесяти стихотворений, я точно не считал) под одну обложку, читатель, возможно, и не признал бы в их авторе... Владимира Кудрявцева. Дело в том, что, на мой взгляд, из них уходит заметная эмоциональность, пристрастность, характерная для стихов, написанных на русской «почве». Поэт, конечно, осознавая, что прикасается к вершинам мировой культуры и духовности, к а к б ы не впускает впечатления от их значительности в свою душу, тем более в стихи. Вот, например, стихотворение «Осень в Нью-Хемпшире»:

На берегу листва сухая –
Не первопуток.
Не в небесах – на реках стаи
Гусей и уток.

Пылая в огненной оправе,
Парят озёра.
И спины голые расправля,
Дымятся горы.

Здесь тоже осень – золотая!
Краснеют дали.
Красивая, но – не такая,
В ней нет печали...

Примерно в такой «притушенной» тональности и излишней изобразительности написаны и многие другие стихотворения «закордонного» цикла. Почему так? Ведь, по сути, эти стихи значительно расширяют художественный мир Владимира Кудрявцева, выделяя из ряда поэтов-современников? А он будто бы сторонится их.

Ведь мы помним, что традиция «зарубежной» лирики в русской поэзии была основательной, крепкой, например, в творчестве Тютчева, Ахматовой, Н.Гумилёва, О.Мандельштама... Но Владимир Кудрявцев от этой традиции в общем-то отказывается. Для него «закордонный» цикл лишь повод выявить контраст между «той» жизнью и «нашенской», конечно, без уничижения и некой зависти, что их «свобода» лучше, а наша «несвобода» хуже. Его-то лирический герой как раз считает (и справедливо считает), что «там» сытней, но скучнее, а у нас хоть и тревожней жить, но «веселей».

Понимаю, что я тут несколько утрирую настроения лирического героя В.Кудрявцева, но в главном их можно обозначить именно так ... Кстати, я не думаю, что когда-нибудь и сам поэт решится издать свой «зарубежный» цикл одной книгой. Он и публикует его обычно в разбивку со стихами своей привычной темы о «русской» действительности.

Тут стоит обратиться к поэтике «позднего» В.Кудрявцева. И к одному из главных свойств его нынешней поэзии – «безглагольности». Обычно читатель не стремится понять: как создано то или иное стихотворение. Для него не важно соотношение, например, существительных или глаголов в тексте. А между тем, именно тут и кроется одна из тайн мастерства поэта.

Упрощенно скажем так: существительное – это образ, глагол – это мотив, этот образ развивающий и усиливающий. Понятно, что композицию стихотворения «легче» выстроить, если «образы» приходят в «движение» посредством глаголов. В этом норма обычного языка, но не поэтического. Главное тут в том, что существительные значительно усиливают изобразительную «вещность» стихотворного текста.

Чтобы не быть голословным, приведу пример из «раннего» В.Кудрявцева. Стихотворение называется «В деревне Никола». Поясним, что навеяно оно впечатлениями от посещения родины Николая Рубцова, села Никольского Вологодской области.

Долетают гудки теплохода.
На юру продувает насквозь.
Если б знал ты, как много народу
Нынче в гости к тебе собралось.

Не кривлю перед богом душою.
Может быть, первый раз у берёз
Показалась такую большую
Мне земля, на которой ты рос.

На земле этой с грустью и болью
Мне бы в грязь не ударить лицом –
За любовь расплатимся любовью,
За добро расплатимся добром...

Посчитали? На пятнадцать существительных приходится девять глаголов. Но мы видим, что изобразительный ракурс стихотворения для нас размывается.

Глаголы движут настроение читателя достаточно хаотично (долетают-продувает-знал-собралось-кривлю-показалась-рос-ударить-расплатимся), он не успевает «запечатлеть» картину изображаемого, прочувствовать её.

Собственно, и вся композиция «пространства» этого стихотворения решена в одномерной плоскости. Взгляду недостаточно через «юр» и «берёзу» увидеть то, что «земля» в данном месте «большая», а «река», если она вообще здесь есть, только и угадывается через «гудки теплохода». Это можно считать стилевым промахом поэта.

Вот и приходится автору всё время подсказывать нам: что он видит, как он чувствует, что понимает в своей душе, что хотел бы выделить в главной своей «идее». По сути, приходится объясняться с читателем, что значительно ослабляет эмоционально-эстетическое воздействие стихотворения. (Заметим, что я не прибегаю к оценкам «плохое» или «хорошее» данное стихотворение, но оно слишком «однолинейное», и объяснением этому, на мой взгляд, как раз излишняя его «глагольность».)

А вот пример из «позднего» Владимира Кудрявцева:

В посёлке ночь.
Ворота на замке.
На мокрых ветках
Сальный отблеск окон.
Горит звезда
В туманном далеке.
Ей,
Как и мне, —
Светло и одиноко...

Я мог бы просто сказать: великолепное стихотворение! И больше ничего не объяснять. Но всё-таки давайте посмотрим, какими «техническими» средствами поэт добился нашего впечатления. Заметим, что глагол здесь всего лишь один, и то в «стёртом» состоянии по отношению к «звезде». Скажи бы автор «мерцает» или «светит», мы бы на это обратили большее внимание. А так она предсказуемо «горит», что и должна делать «звезда». Это нам привычно.

Но дальше: взгляд от «замка» поднимается к отражённому свету из окон, который ночью обычно светит полосой, как мы все легко представляем, то есть для нас создается «горизонтальную» плоскость. А затем «взгляд» уходит в высь, в вверх: к горящей звезде!

Мы вдруг представляем бесконечность мироздания. Поэт, ничего излишне не объясняя на словах, ведёт читателя своим «пространственным» сюжетом именно к такому порядку мироустройства: от земного «горизонта» к небесной бескрайности.

Обратим внимание и на постепенное «расширение» света: из тьмы «ночи», через отражённость и рассеянность оконного подсвета на мокрой листве, к горячей звезде. И дальше – к полному свету, ибо стало абсолютно «светло», хотя бы в эмоциональном состоянии лирического героя!

Вершиной же композиционного решения данного стихотворения является, конечно, объединение двух «частей»: себя – земного жителя, и «звезды», как частицы Вселенной, в одном эмоциональном состоянии: и «ей», и «мне», «светло и одиноко». Нам не составляет труда ощутить соразмерность бесконечности: мы приближаемся к Вечности! И очевидно, что поэту ничего не пришлось «объяснять»: мы сами из «системы образов» «вычислили» его основную мысль...

Наверное, и вы почувствовали всю сложность «технической» задачи в данном случае! Впрочем, я соглашусь и с тем, если кто-то по-иному «прочитает» это стихотворение. Я и сам вижу здесь другие «трактовки», хотя бы переключку с рубцовским стихотворением «Звезда полей». Пусть в данном случае многомерность идейно-образного содержания только одного – в семнадцать значимых слов! – стихотворения ещё раз заставит кого-то задуматься о том, что поэзия не такое простое «занятие», как иногда кажется со стороны. Я же убежден, что стихотворение «В посёлке ночь...» мог создать только Владимир Кудрявцев, это его поэтический «знак», это признак несомненного мастерства поэта.

Здесь вполне оправданно перейти к новой книге Владимира Кудрявцева «Осень света»⁵³, по-своему подводящей, быть может, «предварительные» его творческие итоги.

Как бы предваряя её, литературный критик из Москвы Вадим Дементьев так пишет о «позднем» творчестве поэта: «...Тем-то и хороша жизнь, что все познается в сравнении, в открытии неизведанного. Владимир Кудрявцев постепенно переходит в своем творчестве к стихам философского плана, притчам о жизни. Хорошая начитанность, возраст, несуетное внимание к повседневности вытесняют из его поэзии прежний интерес к нехитрой зарисовке, эскизному движению души, скромному пейзажу. Как сказал Твардовский: «И едва ли не впервые ощутил и я в душе, что не мы уж молодые, а другие уже».

Да, и, на мой взгляд, Владимир Кудрявцев возвращается в чём-то главном к лирическому герою своей первой книги «Венцы». Конечно, на другом этапе осмысления его судьбы. И в новом, если так можно сказать, «поэтическом» обличии. (О приёмах поэтики «позднего» В.Кудрявцева мы говорили выше).

В «Осени света» он ещё раз осмысливает судьбу своего поколения от истоков до дня сегодняшнего. Его, в сущности, не покидает чувство вины, душевного раскаяния, что судьба поколения сложилась непросто, в чём-то трагически. «Такая выпала дорога...»...

А в ней размыта колея.
Иду и мучаюсь виною:
Сам приручѣнный – помню ль я
Всех приручѣнных в жизни мною?..

Его герой, что возможно, несколько неожиданно для его состояния, снова в поисках «пути», снова пытается найти центр своего притяжения. При этом, если быть точным, то поиски его приходится теперь в глубинке самой России, если можно так сказать провинции. Для него и Москва теперь – не столица, а лишь «центр окраин», при этом страны, «которой больше нет...». И мы понимаем, что это не только та великая держава, которая стоит в паспорте его рождения, но и «крестьянская» Россия-Русь.

Мирный бой часов на Спасской башне
Слышен из любого далека.
...А у нас невспаханная пашня
И опять хоронят мужика...

Лирический герой Владимира Кудрявцева снова проходил по кругам «исхода», «разрушения», «забвения» родной стороны. Его не покидает чувство одиночества, тем более на родных просёлках.

Просѣлок. Я опять один...

Мне трудно по нему идти,
Взвалив не год, а век на плечи,
И знать, что до конца пути
Живой души на нём не встречу...

Но всё-таки он вновь и вновь предпринимает попытки «возвращения», хотя в своей памяти, в памяти своих сверстников и родных. Его по-прежнему «тянет» в природу, как почти единственную спасительницу от всех горестных и житейских неурядиц.

Когда всё валится из рук,
Когда в кармане ни червонца –
Войди в парной июньский луг
Иль в рощу, залитую солнцем.

Сходи, на речку порыбачь.
Поставь во здравье близких свечи.
В оградке горестной поплачь,
И всё пройдёт – и станет легче...

Лирический герой Владимира Кудрявцева снова в поисках с в е т а и д о б р а, которые должны составить основу его нынешней жизни. Всё больше в стихах находится того, что сам поэт называет «обрядом добра и очищения». Он осознаёт, что его «слово» никому навредить не может...

Думаю, что в этом раскрывается суть всего творчества поэта Владимира Кудрявцева. Его «осень света» - время тех самых важнейших итогов, за которые нынче не стыдно перед лицом будущих поколений. Он верит в это, он принимает это всем сердцем, зовёт к такому пониманию жизни своего читателя! А я думаю, что нас ещё ждут открытия в творчестве поэта на этом пути...

Пожалуй, это и всё о книге «Осени свет»...

* * *

Ну вот, добрались и до прозы. Книга прозы Владимира Кудрявцева «Град Китеж»⁵⁴ – это, конечно же, своеобразный постскрипtum к судьбе целого поколения «крестьянских» детей середины прошлого века, а для самого автора - «книга родства», память о с в о ё м роде.

На первый взгляд, это и не проза вовсе, а очерки крестьянского быта и бытия, где нет выдуманных героев, где за каждым поворотом сюжета – конкретика самой жизни, увиденной и запомненной автором. Но парадокс в том, что «типичность» судеб и характеров как раз и возникает в этой самой конкретике, потому что так, именно так, и жили миллионы сверстников автора в «герметизме» своего селения, именно так постигали н а ч а л о мира и самой жизни.

Отметим также, что почти и не чувствуется «сделанности» самой прозы, мы даже не всегда понимаем, что за автором-рассказчиком стоит профессиональный писатель, имеющий запас слов и впечатлений, значительно отличный от ребенка-первоклассника (даже ещё и дошкольника). Доверие к такой прозе возникает полное, а это основа успеха прозы Владимира Кудрявцева.

Я, впрочем, далек от мысли, что «Град Китеж» должен бы уйти в разряд «детской» литературы, хотя, конечно, прочитать бы его должны и нынешние дети, городские в том числе. Ибо верно показана психология любого ребёнка, а все эти игры, испытания, открытия «Вовульки» — это будет понятно всем и каждому, в каких бы условиях его детство не проходило. А самое главное, это просто интересно и познавательно, т а к о й жизни уже не будет никогда в размахе и объёме русской жизни, которые были ещё в прошлом веке.

Как раз в то время, когда читал я «Град Китеж» в первый раз, промелькнуло сообщение, что впервые за все годы человеческой цивилизации городское население в мире превысило деревенское. В России, по-видимому, это случилось в пору сселения бесперспективных деревень, но есть ещё и Китай, и почти крестьянская Индия. Но, понятно, что урбанизация своих высот уже не сдаст, а значит, такие вот повести о крестьянских детях будут отходить в область чтения исторического. Вот нам и «постскриптум», вот нам и «прощальная песня».

В предисловии к книге «Град Китеж» прозаик Александр Грязев очень верно заметил⁵⁵: «Удивительно, как точна в деталях память Владимира Кудрявцева, но замечательно, что помимо деталей она наполняет воспоминания романтическим отношением к эпизодам того благодатного возраста, когда человек еще только начинает осознавать себя в окружающем мире, в который он явился, чтобы жить в нём и чувствовать его. Но детство — это еще и настоящие «университеты» жизни, где человек получает первые знания истории родной земли, на которой он живет, когда дед Михаил рассказывает внуку о его земляке Иване Сусанине или зимним вечером учит его щипать шерсть для валенок, бить шерсть в бане, давая практические уроки крестьянского труда. Обо всем этом и о многом другом написано хорошим русским языком.

Чувствуется, что писал рассказы поэт, лирично и образно описывая окружающую его в детстве природу: окрестный лес, подснежники или водополь.

Вот, например, как описано первое свидание с большим лесом в рассказе «Лесное эхо»: «Надо мной гудели мощные кроны и там, где они переплетались, образуя над головой крышу из темных еловых лап и серебристых листьев, неясно сквозил спокойный неземной свет...». Также зримо описание июньского вечера, радуги и неведомого Залесья в рассказе «Страна Залесье» или раннего зимнего утра в новелле «Бабушка».

С большой любовью и «памятью сердца» Владимир Кудрявцев рассказывает в своих новеллах о дедушке Михаиле и бабушке Анне – этих великих и простых русских тружениках и заботниках, справедливо и точно замечая: «Я смотрел на бабушку и жалел её. Я не видел, когда она отдыхала».

О, сколько людей может сказать точно так же о своих дедках и бабушках!

А рядом с ними автор дает портреты своих друзей детства, деревенских соседей и других своих земляков, воссоздавая детской памятью их судьбы и характеры.

О книге лирических рассказов из детства Владимира Кудрявцева ещё много можно говорить, но лучше её прочитать».

Не буду возвращаться к сюжетике рассказов «Града Китежа», не буду говорить о лиричности, подлинной достоверности, истинном знании автором крестьянского быта и деревни – это категории в данном случае очевидные. Скажу лишь, что «деревенская проза» получила новый образчик, в хорошем смысле этого слова, своей продукции. Даже после «Последнего поклона» Виктора Астафьева, рассказов о детстве Василия Белова, проза Владимира Кудрявцева имеет достоинством то, что она отражает судьбу совсем иного поколения русских крестьян. Но об этом мы уже говорили.

А тут у нас есть повод обратиться к ещё одной книге Владимира Кудрявцева. Называется она «От имени поколения»⁵⁶. Книга это уникальная для «нового» времени России. Она посвящена комсомольским активистам Вологодчины почти всего XX века. И, возможно, она бы так не запомнилась, могла бы стать проходным «юбилейным» изданием, но автор нашёл самый своеобразный ход, который только можно было придумать: он пишет... письма героям своих очерков, он им рассказывает о самих себе.

Думается, что именно такую книгу мог создать только Владимир Кудрявцев. Без сомнения, его порадовала возможность обратиться ко всем поколениям вологжан ушедшего века.

Он сверяет судьбу своего поколения и всех остальных на весах истории. Он находит точки соприкосновения с людьми совершенно разного сословного происхождения, разного положения в том и в этом обществе. В этой книге более 130 героев! И для каждого у Владимира Кудрявцева нашлось своё с л о в о благодарности и признательности за... их судьбу, за их вклад в историю страны.

Я читал книгу «От имени поколения» и думал: от какой великой истории произволом «сверху» отказалось нынешнее молодое поколение «россиян»! «Советский» период является таким же звеном истории России, как и все остальные. Можно насильственно, по указу «сверху», убрать его из учебников, но в памяти народной останутся его достижения, а главное — имена, события, факты! Тем более, что XX век принёс России множество побед и достижений, которые нельзя «вырубить» росчерком пера... За это пренебрежение к своей недалёкой истории Россия во многом сегодня и расплачивается «кризисами» и прочими «дефолтами»...

Но не будем о печальном. Тем более, что от книги «От имени поколения» идёт с в е т надежды и веры, что целые поколения русских людей ушедшего века прожили свою жизнь с пользой и отдачей для других, оставив свой след в истории.

А мне осталось сказать несколько слов о значении всего творчества поэта и гражданина Владимира Кудрявцева.

* * *

Уверен, что теперь многих интересует з н а ч е н и е творчества Владимира Кудрявцева и поэтов его поколения в современной литературе. Конечно, обобщающие выводы, быть может, делать ещё и рано. Но, вероятно, вы заметили, что я не случайно при анализе поэзии В.Кудрявцева обращался к жизненному и творческому опыту предыдущего поколения русских поэтов, в частности, Николая Рубцова и Юрия Кузнецова.

На первый взгляд может показаться, что Владимир Кудрявцев является одним из продолжателей «рубцовой» темы в русской поэзии. Конечно, это так и есть. Но давайте поговорим о том, что принципиально нового внёс он в современную поэзию. Для меня важно, чтобы была понятна основная разница миропонимания поэтов двух «соседних» поколений.

Поэты поколения Николая Рубцова пришли к постижению «исконной Руси» далеко не сразу.

Скажем так: в 1960-е годы. (Это вполне конкретная дата, связанная, понятно, и с творчеством самого Николая Рубцова (1936-1971), и поэтов всего «почвеннического» направления, в частности – в Вологде – с именами Александра Яшина, Сергея Викулова, Валерия Дементьева, Александра Романова, Ольги Фокиной, Сергея Чухина, Виктора Коротяева и других...)

Их «возвращение» к истокам народной жизни было обусловлено обновлением самосознания русского народа, прежде всего, вызванного пониманием того, что двадцатый век может погубить именно исконную «крестьянскую» Россию-Русь. Масштаба всей трагедии русской деревни им в то время было ещё в полной мере не осознать (да многого они просто не з н а л и), поэтому сила их творчества была в у т в е р ж д е н и и основных ценностей народной жизни в массовом сознании, в чём они были убеждены, прерванных и извращенных «советизацией» России. (Многим для этого пришлось снять идеологические «шорь».)

Все катаклизмы «сельской» жизни объяснялись отчасти «коллективизацией», отчасти последствиями Великой Отечественной войны, что, безусловно, истинно в своём предположении. Они верили в животворящую силу русской деревни, в неугасаемость «огня родного очага», и что н а ч а л о м все-му в нашей стране по-прежнему будет «плуг и борозда»...

Поколение поэтов Владимира Кудрявцева во многом пришло им на «помощь», если можно так выразить их творческую установку, решительно приняв идейно-нравственные посылы своих предшественников. Но колесо истории русской деревни непредсказуемо для них сломалось. Они оказались на распутье...

Справедливо об этом писал литературный критик Вячеслав Белков, думая об особенностях творчества В.Кудрявцева: «Многие строки Владимира Кудрявцева звучат трагически, он всё время возвращается памятью в прошлое, когда жизнь, быть может, была трудней, но в ней было больше лада, ощущения полноты и смысла. Сейчас человек при внешнем благополучии часто мучается многими вопросами: Зачем? Где истина? «Откуда мы все и куда»? Вообще-то, похоже, что В.Кудрявцев и его лирический герой з н а ю т (разрядка моя – А.С.), откуда многие беды произошли. Оттого, что нарушена связь времен, поколений, прерваны традиции».

Не нами сказано, что з н а н и е усугубляет скорбь! Вот откуда так много трагедийного (иногда даже порой, безысходного) в поэзии самого Владимира Кудрявцева и поэтов его поколения.

Ведь им, «крестьянским» детям, не лишённым исторической и родовой памяти, неизменно тяжело осознавать, что они действительно могут оказаться «последними» поэтами русской деревни, хотя бы в ближайшей исторической перспективе.

Правда, к чести Владимира Кудрявцева надо сказать, что он, осознав трагедию своего поколения, старается найти свет хотя бы в факте самой жизни, как высшего проявления Разума на этой земле. Он понимает, что лишь добри воля могут быть в ней истинными путеводными звёздами, особенно, в соединённости человека с природой, если другие связи с родной землёй на этом этапе истории порушены. Пожалуй, в этом главный итог его творчества на данный момент...

Теперь та же тема, но в другом ракурсе. Помните, в начале нашего исследования я говорил о том, что всегда важно понять: какое место занимает той или иной художник (в данном случае, слова) в контексте всей культуры.

Я уверен, что сегодня Владимир Кудрявцев входит в число лучших поэтов своего поколения всей России. Рядом с ним я могу назвать таких русских поэтов: Евгений Семичев, Диана Кан, Борис Скотневский (все – Самарская область), Николай Зиновьев из Краснодара, Михаил Андреев из Томска, Геннадий Красников из Подмосковья, Владислав Кокорин, Юрий Максин, Елена Саблина, Михаил Карачёв, Александр Пошехонов (все – с Вологодчины)... Всё это поэты общероссийского уровня, но я даже доподлинно не знаю: ведают ли они друг о друге, читали ли друг друга...

К сожалению, литературная ситуация в России такова, что практически не действуют многие составляющие литературного процесса в нашей стране: литературная критика обслуживает только избранных, чаще всего в пределах окружной дороги столицы, вроде совершенно «авангардной» Алины Витухновской, не доведись вам прочитать её стихи на ночь.

Тиражи художественно-литературных журналов мизерные, а сами журналы влчат жалкое существование, практически потеряв своё значение «аккумуляторов» лучшей поэзии, которая создаётся русскими поэтами в стране. (Эту ношу несёт на себе только журнал «Наш современник», иногда подключается журнал «Москва».) Я даже допускаю, что делается это преднамеренно: литература целенаправленно «вымывается» из культурного слоя России нового времени

Особенно, патриотической направленности.

НА ФОТО (слева направо):
 1. А. Хачатрян, А. Грязев
 в мастерской В. Корбакова.
 2. А. Горопов, Владыка Михаил
 (М. Мудьюгин).

3. Ю. Соломин, М. Ульянов, В. Урин и др. в Вологодском кремле.
 4. В. Белов и Г. Вербинец в "ВК".
 5. Диалог с Беловым на теплоходе.

6. Кинорежиссер Митрич..
 7. С бароном Фельц-Фейном.

8. Слева направо: А. Грязев, Р. Балакшин, С. Алексеев.
 8. С гармонистов С. Сметаниным.

9..С Л. Павлючином, однокурсником.
 10. И. Поздняков., В. Егоров (Министр культуры) в Вологде

11..К. Щербаков (зам. министра культуры) и В. Андреев (нар. арт. России), режиссер Б. Морозов.

12. В. Корбаков, Л. Антонова, В. Сергеев.. 13. С В. Извековым в Карабихе на родине Н. Некрасова.

13. В. Кудрявцев в Ленинграде - студенческие годы.

Ситуация для поколения поэтов Владимира Кудрявцева «осложнялась» ещё и тем, что когда они вошли, скажем, в «вологодскую» литературу, в ней в полную силу работало предыдущее поколение.

И получилось так, что «младое племя» находилось довольно долго на вторых ролях. Им и внимания от литературной критики доставалось поменьше, их и печатали «петитом», можно сказать, «вторым номером»... Помню, как один из поэтов этого поколения, только принятый в Союз писателей, а было ему уже под сорок, довольно грустно произнёс: «Мне бы этот билетик в лет двадцать пять получить, а теперь я и сам знаю, что состоялся, как поэт...».

Ну, а потом пошли трагические «девяностые», когда литература почти полностью исчезла для читателя, а поэтам пришлось больше заниматься физическим выживанием, чем самой поэзией. Так и получилось, что целое «поколение» состоявшихся писателей и поэтов не получило востребованности в русском обществе...

И пока ситуация, похоже, не сильно исправляется к лучшему.

И что делать? По-моему просто не сдаваться на «милость» конкретной исторической ситуации. Никто уже не помнит, но тираж первой книги «Вечер» великой Анны Ахматовой был всего 300(!) экземпляров, а вторая вообще не разошлась, шёл 1917 год, связи внутри страны были оборваны... Да и Николай Рубцов начинал с малюсенькой книжечки «Лирика» в 40, если не ошибаюсь, страниц...

Словом, ситуация ситуацией, а история русской литературы не заканчивается. И остаётся работать, жить, верить, что и к «массовому» читателю придёт в полном объёме поэзия Владимира Кудрявцева и поэтов «последних детей» русской деревни!

Они этого достойны!..

И напоследок, вот такая обобщающая мысль. Есть мнение, что время ныне не поэтическое (да и просто не литературоцентричное). Иные ценности будоражат сознание русского человека. Да и сам русский читатель в массовом порядке куда-то скрылся в не так давно многочитающей России. Можно тут спорить, приводя аргументы «за» и «против», но кажется, что поэзия в русской душе не может затихнуть никогда. Как только спадут напасти и сложности этого в р е м е н и, так и возродится разом сокровенный интерес к поэтическому слову как составной части духовной сущности русского человека. Это не голословное утверждение.

Интерес к поэзии всегда идёт волнами, то возрастая, то убывая, но сама-то поэзия была, есть и будет неотъемлемой частью духовной жизни нашего общества. И важно, чтобы мы не пропустили очередную «волну» русской поэзии, которая взошла с именами поэтов поколения Владимира Кудрявцева.

...Когда эта рукопись была в основном готова, я неожиданно узнал, что подобную книгу о творчестве Владимира Кудрявцева собирался написать известный писатель и литературный критик из Вологды Вячеслав Белков. Мы были с ним много лет в дружеских отношениях, но я от него о таком замысле не слышал.

Возможно, занятый серьёзными исследованиями творчества Николая Рубцова, мой коллега не хотел планировать другие работы, тем более, говорить о них заранее. Но если такой замысел был, то это очень важно и интересно. Допускаю, что Вячеслав Сергеевич видел «родственность» - или, наоборот - контрастность творчества Николая Рубцова и творчества Владимира Кудрявцева.

В любом случае, очень жаль, что он не осуществил свой замысел. «Отсвет» этого замысла можно увидеть в статье о творчестве В.Кудрявцева, опубликованной в журнале «Автограф».

Интересной и содержательной видится мне и статья литературоведа Эдуарда Прудникова из Ставрополя. Что ж, и такой подход к творчеству любого поэта вполне закономерен.

Эти и другие материалы, которые помещены в книге в качестве приложений, добавляют и расширяют наше представление о творчестве и судьбе русского поэта Владимира Кудрявцева.

Март 2010 года,
г. Вологда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Кожин. НИКОЛАЙ РУБЦОВ. М., 1976, «Советская Россия», с. 84.

² Отметим, что разница в возрасте между Николаем Рубцовым и Владимиром Кудрявцевым всего 17 лет. То есть, это представители двух «соседних» друг к другу поколений. Будет важно посмотреть на особенности их мировосприятия именно под углом зрения преемственности поколений.

³ Слово «русский», кроме прямого обозначения коренной нации России, имеет и наднациональный смысл, как образ мышления и жизни всех, кто сам себя причисляет и соответствует понятию «русский». Нюансы всегда можно понять из контекста.

⁴ Владимир Кудрявцев. «Благословение», Вологда, 1999, литературная серия «Вологда. XX век.», с.3. Впрочем, необходимо прочитать и всю маленькую поэму «Конец века».

⁵ Более подробно и основательно об этом в работах русских философов А.Панарина, С.Кара-Мурзы, Г.Куницына, И.Шафаревича, да и в исторических книгах Вадима Кожина, конечно.

⁶ По одной из версий слово «крестьянин» этимологически идёт от слова «христианин», то есть приверженец Христа, а по другой от слова «крест», что не противоречит одно другому по своей сути.

⁷ Есть, по-моему, необходимость сразу раскрывать некоторые частные «приёмы» поэтики, чтобы читатель изначально убедился, что стихотворное творчество – это сложная и кропотливая работа с «материалом» для воплощения его в стихотворение.

⁸ Владимир Кудрявцев. Алевтинин ручей. Вологда, изд-во «Ардикура», 1996, с. 53.

⁹ В книге: В.Кудрявцев, «Венцы», Вологда, КИФ «Вестнику», 1992. В.Коротаев. «Дом Владимира Кудрявцева». Впрочем, категории «добра» и «зла» в поэтическом значении могут существенно отличаться от подобных свойств личности.

¹⁰ Всё это хорошо показано в трилогии Василия Белова «Час шестый». Добавим, что это касается северной и центральной России. На юге страны, как известно из романов М.А.Шолохова, такой единицей являлась станица, по сути – воинское подразделение казаков, впрочем, и хозяйственное тоже.

¹¹ Думается, что молодому читателю, особенно, городскому, придётся объяснить разницу. Село – это та же деревня только с приходской церковью, хотя там были нередко начальные школы, «торговые точки», медпункты, низший слой чиновников, кстати, практически мизерный.

¹² Алексей Чичкин. «Неперспективные деревни. Приговор вынесен?...» М., «Аграрная экономика». Цитата даётся с сокращениями.

¹³ Поколенческой градации в 20 лет придерживаются социологи и демографы. Именно в 20 лет в молодой семье (в среднем) появляется первенец, то есть продолжатель рода.

¹⁴Поверьте, я не провожу аналогий жизненных судеб двух поэтов. Они очевидно разные. А точки пересечения, хотя бы географические, в их судьбах были...

¹⁵Валентин Кудрявцев. «Спасибо, жизнь, за свет и за любовь». Вологда, изд-во «Наше поколение», 2009.

¹⁶Там же, с. 68.

¹⁷Некоторые архитектурные стили.

¹⁸ «Молодые голоса Севера». Архангельск, СЗКИ, 1982.

¹⁹ Редко употребляемая форма глагола «писать».

²⁰ Сейчас В.Кудрявцев автор более десяти документальных фильмов.

²¹ Юрий Селезнёв. «Мысль чувствующая и живая». М., «Современник», 1982, с. 33.

²² В.Кожин. НИКОЛАЙ РУБЦОВ. М., 1976, «Советская Россия», с.47. (Разрядка – В.Кожина).

²³ Вл. Гусев. Искусство прозы. М., изд-во Литературного института, 1993, с. 23.

²⁴ Владимир Кудрявцев, «Венцы», Вологда, КИФ «Вестник», 1992.

²⁵ В.Кудрявцев. «Мы рубим дом». По страницам книг. Вологда, 2003.

²⁶ Что делать, кому-то придётся перечитать и В.И.Белова, чтобы опровергнуть или поддержать мои предположения.

²⁷ А.Смолин. Зачин. Книга критики. Вологда, изд-во «Гребенщиков», 1996, с. 17.

²⁸ «Молодые голоса Севера». Архангельск, СЗКИ, 1982, с. 5-23.

²⁹ А.Романов. Пересотворение мира (Заметки о сборнике «Молодые голоса Севера»). Журнал «Север», 1983, № 8, с. 104-105. Похоже, что это первый серьёзный отклик на поэзию В.Кудрявцева в центральной печати, журнал «Север» в то время обладал таким статусом.

³⁰ В данном случае, для нас это пример сравнительной поэтики.

³¹ Заметим, что анализ стихотворения и должен начинаться с самого простого: прямого пересказа (парафраз) о чём в этом произведении говорит автор...

³² В книге: В.Кудрявцев. Заклинание. Вологда, 2000. А. Цыганов. Вместо предисловия. с.3.

³³ В.Кожин. НИКОЛАЙ РУБЦОВ. М., «Советская Россия», 1976, с. 51-52.

³⁴ Там же, с. 43.

³⁵ Тема: «Ц и н т о н в поэзии Владимира Кудрявцева» имеет место быть, но для нашего исследования она представляется второстепенной.

³⁶ М.Пришвин. Незабудки. Вологодское книжное изд-во, 1960. с. 97-98.

³⁷ Без сомнения, Варлам Шаламов – выдающийся поэт и прозаик, но его «политическая» деятельность «московского периода» 1920-30 годов должна быть исследована досконально. Очевидно, что в идейном «самообразовании» Шаламова были серьёзные прорехи, в том числе и по отношению к русскому народу.

НА ФОТО (слева направо):

1. В. Ганичев, В. Белов, В. Распутин в филармонии.
2. Г. Новожилова, Е. Сидоров (Министр культуры).
3. В. Семенков с нар. арт. России Е. Драпеко.
4. На родине А. Ганина (Г. Судаков, А. Грязев, Ю. Бабичева, С. Тихомиров, С. Белов и др.).
5. С художником Е. Соколовым у камина.
6. Г. Новоселова, Н. Шахова.
7. Тотъма. День города. А. Быков, В. Гулина, Ю. Ерыкалова, А. Смолин, В. Спажев, В. Толоконников.
8. Е. Поромонов на пресс-конференции.
9. На практике в Самарканде.
10. С Н. Железняк на теплоходе.
11. В. Страхов, В. Корбаков - на выставке.
13. Сокол, А. Швецов, Р. Ушанов (оператор ЦТ), Н. Драчков (композитор и гармонист).

³⁸ Конечно, в данном случае мы имеем ввиду не разговор двух собеседников, а диалог в методологии М.М.Бахтина. Вот он пишет: «Всё – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. *Два голоса* – минимум жизни, *минимум бытия*». (Михаил Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., «Художественная литература», 1972. с. 174.)

³⁹ А.Смолин. Зачин. Книга критики. Вологда, изд-во «Гребенщиков», 1996, с. 20-21. (К сожалению, приходится прибегать к самоцитированию. Тираж книги был мизерный, она давно стал биографической редкостью.)

⁴⁰ Взять хотя бы биографии писателей-вологжан: у Ю.М.Леднева, А.А.Романова, В.И.Белова отцы погибли на фронте. У О.А.Фокиной отец умер от ран во время войны. У Н.М.Рубцова умерла мать в 1942 году... В войну потерял родителей М.Н.Сопин, оставшись круглой сиротой...

⁴¹ Владимир Кудрявцев. Алевтинин ручей. Вологда, изд-во «Ардви-сура», 1996.

⁴² А.Смолин. У каждого свой путь и берег. Книга критики. Вологда, изд-во «Евстолий», 1999. с. 32-34.

⁴³ Не будет лишним сказать, что В.Кожин проводил такое исследование в отношении всего творчества Николая Рубцова. Нам важно увидеть свет в конкретной книге Владимира Кудрявцева, хотя, понятно, это характерно и для всей его поэзии.

⁴⁴ «Духовные очи Алексея Лосева... не приемлют картину мира как скопища мёртвых единиц, понукаемых непреложными «законами природы», - нет, они видят мир живой и пронизанный светом, мир световых ликов, мир осмысленный, мир смысла...» (А.Ф.Лосев. Бытие-имя-космос. Послесловие. М., «Мысль», 1992, с. 888).

⁴⁵ Тему необходимо расширить, опираясь и на весь «корпус» поэзии В.Кудрявцева.

⁴⁶ В данном случае, тотем – предмет для поклонения.

⁴⁷ Владимир Кудрявцев. Времена года. Вологда, 2003.

⁴⁸ В данном случае, лубок – поэтический жанр.

⁴⁹ В.Кудрявцев. Благословение. Вологда, 1999. Литературная серия «Вологда. XX век».

⁵⁰ Владимир Кудрявцев. Заклинание. Вологда, 2000.

⁵¹ Владимир Кудрявцев. Пророчество кукушки. Вологда, 2002.

⁵² Владимир Кудрявцев. Исповедальный день. Вологда, ИЦ ВИРО, 2003.

⁵³ Владимир Кудрявцев. Осень света. Вологда, изд-во «Наше поколение», 2008.

⁵⁴ Владимир Кудрявцев. Град Китеж. Лирические рассказы о детстве. Вологда, изд-во «Книжное наследие», 2007.

⁵⁵ Там же. Александр Грязев. Слово к читателю, с. 6-7.

⁵⁶ Владимир Кудрявцев. От имени поколения. Письма в прошлое, настоящее и будущее. Вологда, изд-во «Наше поколение», 2008.

НА ФОТО (слева направо):

1. М. Серебрякова, Д. Вахрушев, Н. Дьяков, М. Барышева, Л. Парфенов в Российском Фонде культуры в Москве. 2. На празднике (Телестудия в Череповце, 1977 г.). 3. С Л Шаменко в космюках. 4. Новый год в редакции "ВК" - А. Третьяков. 5. Л. Коротаяева и барон Фельц Фейн в музее-заповеднике. 6. С художником В. Сергеевым. 7. На берегу Атлантического океана в США. 8. На практике в Самарканде (1975 г.). 9. В павильоне студии ТВ в Череповце 10. На военных сборах (Петрозаводск). 11. На практике в Самарканде (в гостях у хлопкоробов). 12. На родине. За водой на родник. Сокурсник по ЛГУ А. Воротилов. 13. С коллегами по аспирантуре: С. Смирнов, Г. Ханов. 15. Коллеги по работе в департаменте культуры (Л. Кашина, В. Оялина, С. Седова и др). 16. С однокурсником А. Бабаевым.

Вячеслав БЕЛКОВ

ДУША МОЛЧИТ, ДУША КРИЧИТ ...
о стихах В. Кудрявцева

Поэта Владимира Кудрявцева знаю давно. Когда-то сидели рядом на областном семинаре молодых литераторов. Потом несколько раз Кудрявцев меня удивлял. Помню, увидел его в студии телевидения и поразился, что можно говорить тихо, но убедительно. По молодости лет я почему-то считал, что убеждать можно только громким голосом ... Позднее Владимир Кудрявцев стал редактором «ВК» и поднял тираж этой молодёжной газеты. Удивительно было и то, что он начал писать поэмы. Обычно к жанру поэмы обращаются позже, или вообще не обращаются.

В лирике своей, как и в жизни, поэт тоже говорит негромко:

Зачем опять, тревожа память,
Молчу, пугаясь мёртвой тьмы,
Где избы, брошенные нами,
Врастают брёвнами в холмы ...

Многие строки Владимира Кудрявцева звучат трагически, он всё время возвращается памятью в прошлое, когда жизнь, быть может, была трудней, но в ней было больше лада, ощущения полноты и смысла. Сейчас человек при внешнем благополучии часто мучается многими вопросами: зачем? где истина? «откуда мы все и куда?»

Никого у меня не осталось.
Ничего не сумел уберечь.
Безысходность в душе и усталость ...
Сам не знаю, чего я хочу ...

Вообще-то, похоже, что В.Кудрявцев и его лирический герой знают, откуда многие беды произошли. Оттого, что нарушена связь времён, поколений, прерваны традиции. Это прослеживается по строчкам лучших стихотворений. Вот один из характерных примеров:

Нет деревни. И дом мой сожгли.
Зарастает травкою дорога.
Отлучили меня от земли ...

НА ФОТО (слева направо):

1. Навстречесчитателями.
2. В.Страхов, Н.Серова, отец в Плесе.
3. Нар. арт. России М.Ульянов и др. на фестивале "Голоса истории".
4. На 50-лети Владыки Максимилиана.
5. С гармонистами области в К.-Городке
6. Н.Шалаева, Т. Баранова (однокурсники).
7. На военных сборах в Петрозаводске и Житомире.
8. После фестиваля молодежи и студентов в Москве (1985 г.).
9. С юмористом Лионом Измайловым в Устюжне.
10. Портрет.
- 11 и 12. У микрофона.

Это стихотворение надо прочесть целиком, чтобы понять его главную мысль. Человека оторвали не только от земли, но и от рода. Но даже те из нашего поколения 40-летних, кто родился в городе, оказались в новом культурном и бытовом укладе. Устное слово сменилось книжным, труд физический чаще всего сменялся «трудом» отвлечённым, не ручным ... и каждый из нас по-своему это чувствует и как-то переживает. А заканчивается стихотворение Кудрявцева «Нет деревни ...» так:

Слишком поздно я понял, что круг
Моей жизни и смерти разорван ...

Это сказано о целом поколении. Как будто родились мы для одной жизни, а заканчиваем свои земные сроки уже в каком-то ином качестве.

Конечно, бывает у поэта и умиротворенное состояние. Когда душа спокойна, молчит. Но, может, она просто оцепенела от горьких раздумий, от собственных противоречий. Как в одном из лучших лирических стихотворений Владимира Кудрявцева «В гостинице», где пластика стиха сплелась с искренностью:

Как сладко будет здесь и горько
Молчать и плакать до утра ...

А о поэмах Владимира Кудрявцева нужен, конечно, отдельный разговор...

К сожалению, некоторые читатели, особенно молодые, отвернулись от поэзии в последние годы. Я же думаю, что тот привычный ряд наших поэтов - Яшин, Рубцов, Романов, Фокина, Коротаяев, Чухин - мы просто обязаны сегодня продолжить новыми именами, полюбить их, знать их книги и строки ...

НА ФОТО (слева направо):

1. В. Белов, Б. Чулков (поездка в Ницолу). 2. Ю. Леднев, Е. Некрасов, Р. Балакшин на открытии мемориальной доски поэту В. Коротаяеву. 3. С. Н. Михалковым в музее-заповеднике. 4. О. Денежкина, О. Фокина. 5. С. В. Хлебовым. 6. С. Куняев у памятника Рубцову. 7. С. С. Викуловым. 8. А. Романов. 9. На встрече с читателями: А. Передреев, О. Фокина, В. Шириков (5-й), В. Белов, А. Романов, А. Заболоцкий.

Эдуард ПРУДНИКОВ (Ставрополь)

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ АПОЛЛОНА

(сравнительный анализ стихотворений «Арион»

А. Пушкина и «В иудейской пустыне» В. Кудрявцева)

*Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный чёлн;
А я - беспечной веры полн, -
Пловцам я пел ... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный ...
Погиб и кормщик и пловец! -
Лишь я, таинственный певец.
На берег выброшен грозюю,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.*

В стихотворении аллегорически изображена судьба А.С. Пушкина после декабрьского разгрома. Написав его 16 июля 1827 г., автор не спешил с публикацией и только через три года отправил рукопись без подписи в «Литературную Газету». Авторство «Ариона» было установлено уже после смерти поэта. Произведение основано на мифе о певце Арионе, который, спасаясь от грабителей-корабельщиков, выпрыгнул в море и был спасён дельфином, доставившим его на сушу. Это случилось недалеко от берегов Коринфы, где совсем недавно захватил власть жестокий правитель по имени Периандр...

НА ФОТО:

1. Автограф В.Гарилина.
2. Е.Савина, В.Рацко, Л.Кашина – коллеги по работе в департаменте культуры.
3. С А.Аввакумовой.
4. С Б.Гранатовым (режиссер ТЮЗа).
5. С В.Гаврилиным в ВОКГ.
5. С искусствоведом Н.Серовой.
6. С В.А.Купцовым, секретарем КПРФ.
7. Г. Вздорнов.
8. В гостях у Митрошкиных.
9. С отцом у дома деда Михаила.
10. В командировке.
11. Фестиваль «Голоса истории» (Консисторский двор Вологодского кремля).
12. Туристическая коррида в Барселоне (Испания).
13. Встреча с космонавтом.
14. Патриарх Алексей Второй в Спасо-Прилуцком монастыре.
15. С А.Романовым

Чтобы обезопасить себя от восстаний (на фоне повышения налогов и откровенного казнокрадства), Периандр решает завести праздник в честь Диониса - бога вечно возрождающейся природы.

На празднике выступают хоры, участники которых наряжаются сатирами, весёлыми козлоногими спутниками Диониса. Они поют песни о деяниях своего кумира - не такие торжественные, но такие же стройные, как и в честь самого Аполлона, а сочиняет эти песни Арион.

Отслужив Периандру и получив от него достойное вознаграждение, наш герой отправляется в Италию и Сицилию - продолжать выступать. И ничто не предвещало беды, когда корабельщики, с которыми он плыл, узнали о богатствах певца и решили его убить, а деньги его поделить. Видя, что разжалобить новоявленных пиратов невозможно, Арион просит об одном: он споёт последнюю песню и сам выбросится в море.

Корабельщики радостно (ведь им предстоит услышать лучшего певца на свете!) перешли на середину корабля, а Арион надел свой лучший наряд, взял в руки лиру и встал на корме. Пропев громким голосом высокую песнь, он бросился в море. И случилось чудо: из волн вынырнул дельфин, принял певца на свою крутую спину и унёс к далёким греческим берегам ...

Двадцать пять веков спустя от имени этого героя заговорил Пушкин - о том, что, несмотря ни на какие бедствия, он верен своим идеалам:

*Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.*

Но рассматривать пушкинское стихотворение только в контексте политической лирики - значит сузить горизонт читательского восприятия до вполне теперь уже сомнительной формулы «литература - отражение жизни». Помимо собственной биографии, изложенной аллегорически, автор касается проблем всего человечества и, в первую очередь, сфер нравственности, веры и искусства. Почему во время бури певец остался жив, а кормщик и пловцы погибли? Казалось бы, противоречие, ведь пловцы дружны, они поддерживают друг друга, а поэт сам по себе, ему не на кого надеяться ...

НА ФОТО (из семейного альбома): Дом деда Михаила в деревне Попово (в центре), вокруг него родные: жена Ирина с дочкой Машей на руках; дед Михаил и дед Никифор, бабушки – Аграфена и Анна, родители – отец Валентин и мама Аля, теща Лидия и тесть Владимир Камакины, брат жены - Андрей; дети – Иван и Мария, зять Денис, сноха Ольга, внуки – Кирилл, Лида, Миша и Полина.

*Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёслы...*

Короткие, с одинаково расставленным ударением слова (на первом слоге) «в глубь мощны вёслы» с удивительной силой выражают огромное трудовое напряжение людей на челне и передают ритмичность их работы. Но слаженность эта почему-то не спасает от неминуемой гибели. Быть может, всему виной их предводитель - кормчий? И действительно, кормчий «угрюмо правит», полагаясь на опыт и трезвый расчет, он «умный» - и в этом его слабость. Певец же «беспечен», он уповает на одну лишь ВЕРУ.

Но что это за вера? Какое божество обратилось дельфином и спасло певца? На ум приходит лишь одно имя - Апполон, бог искусства.

Арион верит в искусство, и «последняя песнь» на носу корабля - это своего рода молитва богу-покровителю. Таким образом, с одной стороны, чудесное спасение можно объяснить вторжением высшей воли в судьбу человеческую, а миф о нём рассматривать как утверждение конечного торжества добра над злом; с другой стороны, первопричина произошедшего - в БОЖЕСТВЕННОСТИ поэтического дара. Помните Орфея, талант которого помог проникнуть в царство мёртвых и едва не увести из него Эвридику? Косвенное подтверждение этому есть и в характеристике певца - «таинственный», и в слове «риза» (одежда священнослужителя, жреца, в данном случае жреца искусства).

*Пловцам я пел ...
Вдруг лоно волн
Измял с налету
вихорь шумный ...*

Море здесь выступает символом жизни, а буря, которая так неожиданно всех погубила, что поэт подчеркнул наречием «вдруг», ритмическим сбоем и логическим ударением на глаголе «измял», - это прототип какого-то трагического события, катаклизма. Скорее всего, автор хотел сказать читателю, что искусство - или, если хотите, Вера, Надежда и Любовь является той таинственной силой, которая спасает в самых трудных жизненных испытаниях.

А вот стихотворение современного автора В.Кудрявцева «В Иудейской пустыне»:

Горы как будто верблюжьи горбы,
Вытертые - до проплешин.
Здесь обострённое чувство Судьбы,
Особенно - если пеший.
Сжиженный воздух горяч и тягуч.
Здесь камни до пыли стёртые.
Здесь жалит иглой раскалённый луч.
Здесь море и то - мёртвое.
На горных отрогах рваньём пестрят
Сморщенные бедуины.
Вместо забора - ребристый ряд
Бочек из-под бензина.
В мареве знойном - распяты орла
Над жёлто-коричневой кручей.
В сиреновой дымке висит скала,
Как грозовая туча.
Оазис спит, как зелёный взрыв ...
Поверил, наверно, не первый,
Что в этой пустыне остался жив
Один я -
из ядерной эры?..

На первый взгляд может показаться, что стихотворение описывает реальный географический объект. Никаких глубоких рассуждений, никакого метафорического смысла здесь нет - просто вырезка из истории с добавлением поэтической краски. Но это только на первый взгляд. Понявший смысл «Ариона» согласится со мной, что «Иудейская пустыня» - это его современная интерпретация, сохранившая смысл оригинала и его идею.

Но давайте по порядку.

Иудейская пустыня расположена на Ближнем Востоке (территория Израиля), вблизи западного побережья Мёртвого моря - бессточного солёного озера, на севере которого находится своё последнее пристанище река Иордан. Жаркий, сухой климат пустынной местности способствует интенсивному испарению воды, и в озере наблюдается повышенная минерализация, из-за чего почти полностью отсутствует органическая жизнь:

Здесь море и то - мёртвое.

Берега Мёртвого моря обрывистые, негостеприимные. Иудейскую пустыню можно сравнить с цветущими холмами зелёной Галилеи, которые ... неожиданно для всех завяли: голые камни, обожжённые солнцем, голый песок:

*Сжиженный воздух горяч и тягуч.
Здесь камни до пыли стертые.
Здесь жалит иглой раскаленный луч.*

Лишь неглубокий, но быстрый Иордан проносит свои воды по мёртвому краю. Многочисленные потоки, берущие начало в здешних горах, в сезон дождей стремительно бегут по обрывам и скалам, и каждую весну повторяется чудо: на короткое время пустыня расцветает, облачаясь в невесомую ткань из благоухающих трав и переспелых бутонов... Но пройдёт чудесный миг, и пустыня стряхнёт с себя это одеяние - оно ей непривычно, и мертвенная угрюмость - хозяйка этих мест - завершит начатое: трава засохнет под палящим солнцем, сорвёт цветы - и обратятся те в песок... И только редкие, случайно выжившие островки зелени будут наводить заблудших путников на странную, совершенно нелепую мысль: «будто холмы зелёной Галилеи, только очень маленькие».

Оазис слепит, как зелёный взрыв...

В этих краях, в устье реки Иордан, крестил людей Иоанн Предтеча. Сюда же, достигнув зрелого возраста, приходит Иисус Христос, чтобы принять от него крещение. Но прежде, в посте и молитве, Ему суждено пройти через сложное испытание. По сей день возвышаются в бесплодной пустыне Сорокадневная гора и камень, на котором стоял Мессия, когда сатана искушал его.

*Горы как будто верблюжьи горбы,
Вытертые - до проплешин.
Здесь обостренное чувство Судьбы*

Отсюда, проходя по иерихонской дороге, Иисус не раз ходил в Иерусалим, и после принятия христианства Иудейская пустыня стала местом подвига монахов. Покидая города и селения, они уходили в отшельничество и селились в здешних пещерах. По сей день сохранились монастыри, куда бесчисленным потоком устремляются паломники. Одно из условий данного действия заключается в том, что желающий искупить грехи должен, как и Христос, идти пешком.

*Здесь обостреннее чувство Судьбы,
Особенно - если пеший.*

В византийскую эпоху Иудейская пустыня была убежищем для преследуемых и повстанцев. Многочисленные пещеры хранят память об этих тяжёлых временах. Одну из пещер археологи окрестили Пещерой ужасов - на дне её обнаружены корзины, заполненные черепами, и большая братская могила. Эти люди погибли от голода и жажды, так и не сдавшись римлянам.

*Поверил, наверно, не первый.
Что в этой пустыне остался жив
Один я - из ядерной эры? ..*

В новые времена Иудейская пустыня заполнилась кочевниками-бедуинами. Они наводили страх на тех немногих, кто жил в этих местах, нападали на путников, зачастую убивали их. Опасности подвергались и паломники, и учёные. Бывало, что бедуины подходили к самому Иерусалиму, восточные окрестности которого они полностью опустошали.

*На горных отрогах рваньём пестрят
Сморщенные бедуины.*

Сегодня пустыня не так безжизненна, как была когда-то. Гектар за гектаром израильтяне отвоёвывали владения у песочных массивов, промывая солончаковые почвы и сажая на них клевер, кукурузу, виноград и даже бананы ... Но о бананах в стихотворении не упоминается, и поэтому я закончу с этой небольшой исторической справкой.

А теперь давайте прочитаем стихотворение ещё раз. Обратите внимание на последнее четверостишие:

*Оазис слепит, как зелёный взрыв ...
Поверил, наверно, не первый,
Что в этой пустыне остался жив
Один я из ядерной эры?...*

Зелёный цвет у многих людей интуитивно ассоциируется с радиоактивными отходами и ядохимикатами. Этому способствует массовое распространение кинотрадиций. Думаю, автор специально использовал этот образ, чтобы обозначить

границу, за которой смысл стихотворения принимает завуалированный характер. Словосочетание «зелёный взрыв» подходит как для наименования оазиса, так и для намёка на ... ядерную бомбу. Прямое подтверждение тому есть и в характеристике эры - ядерная.

Главный герой подавлен и эмоционально вздрьнут одновременно. Наверное, у него шок: ЭТО произошло совсем недавно. С невыносимой болью в душе он ходит по окрестностям, как бы исповедуясь перед самим собой, и явно не вписывается в местный пейзаж.

*В мареве знойном - распяты орла
Над жёлто-коричневой кручей.
В сиреновой дымке висит скала,
Как грозовая туча.*

Создаётся впечатление, что описанная с таким смакованием ужасающая картина - как раз то, с чем автору не хотелось бы сталкиваться в реальной жизни.

Я имею в виду не Иудейскую пустыню как географический объект, а пейзаж Земли в первые минуты постядерной эры.

Страх автора перед безрассудством людей, отсутствие веры в их благие намерения, нежелание принять тезис «хочешь мира готовься к войне» вылились в такую вот завуалированную антиутопию.

*Сжиженный воздух горяч и тягуч.
Здесь камни до пыли стёртые.
Здесь жалит иглой раскалённый луч.
Здесь море и то - мёртвое.*

Вот он катаклизм, вот она БУРЯ, которая перекочевала сюда из пушкинского стихотворения. Иудейская пустыня оказалась морем, по которому плывёт Арион не географическим объектом, но грубой аллегорией, отразившей ценности жизни. И этот крик души подобен гимну гения Пушкина, ибо миром должны править Надежда, Вера и Любовь!

*На горных отрогах рваньём пестрят
Сморщенные бедуины.*

Знакомьтесь: наши старые знакомые, безверные пираты. Им снова суждено погибнуть - дружные коллективы без веры бессильны перед ликом судьбы. Снизшедший Аполлон уже обернулся дельфином (или оазисом - какая разница?) и не-

сёт людям спасение. Жаль, принять его способен только один человек - новый «Арион» пустыни.

*Что в этой пустыне остался жив
Один я - из ядерной эры?..*

Если пушкинского Ариона спасает вера в искусство, то странника Кудрявцева - вера в жизнь в широком смысле слова. Желание вернуть время, когда алчность людей ещё не успела злоупотребить научным прогрессом и искромсать мир, вопиюще изливается в строчках:

*Вместо забора - ребристый ряд
Бочек из-под бензина.*

Но в любой бочке дёгтя есть ложка мёда (я ничего не путаю), стало быть, по законам инверсии, в любой пустыне найдется свой оазис, а в море плавают дельфин. Нужно только включить интуицию, зарядить её верой, и ноги сами выведут тебя к нему...

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Владимира Валентиновича Кудрявцева

«Кудрявцев Владимир Валентинович родился 13 октября 1953 года в деревне Попово Костромской области. Журналист и поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал редактором молодежных программ областного телевидения в Череповце. В 1982 – 1988 возглавлял редакцию газеты «Вологодскийсомолец». В 1988 – 1990 учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС (на кафедре средств массовой информации). Начальник Департамента культуры Вологодской области в 1990 - 2001. Руководил Вологодской телерадиокомпанией. В 2002 создал творческую мастерскую, специализирующуюся на производстве видеофильмов. Являлся редактором вологодского журнала «Пятницкий бульвар». Автор поэтических сборников «Мы рубим дом», «Заклинание», «Пророчество кукушки», «Времена года».

(«Вологодская энциклопедия», Вологда, «Русь», 2006 г.)

С 2008-го по 2010 был шеф-редактором журнала «Вологодская афиша» (Издатель Вологодский областной информационно-аналитический центр культуры).

Вологда - духовная родина поэта. Здесь он начинал свой творческий путь и обрел поэтическую судьбу. Был участником областных и всесоюзных совещаний молодых литераторов. Печатался в местных и центральных газетах и журналах, в поэтических сборниках и альманахах, изданных в Архангельске и Москве.

В 1992 году вышла первая книга стихов «Венцы» с предисловием Виктора Коротяева. По этой книге Владимир Кудрявцев был принят в члены Союза писателей России. С тех пор издал еще восемь поэтических книг («Мы рубим дом», «Алевтинин ручей», «Заклинание», «Благословение», «Пророчество кукушки», «Времена года», «Исповедальный день», «Осень света») и книгу прозы «Град Китеж» (лирические рассказы о детстве) С 2002 года - на творческой работе.

Кинематографическая деятельность.

В январе 2002 года открыта «Творческая мастерская Владимира Кудрявцева».

У истоков её стоял режиссер Юрий Дмитриевич Половников (Митрич). В творческую группу входят операторы Сергей Баранов и Анатолий Аникин, монтажеры Валерий Углин и Сергей Якушев, композитор Нина Осолихина.

За шесть лет существования в мастерской созданы более десяти документальных фильмов.

Среди них фильм «Родословная подвига» о Герое России, матросе Сергее Премирине. «За верность героическим традициям России, за правдивое освещение проблем российской армии и флота» на VII межрегиональном фестивале военно-патриотических телерадиопрограмм «Щит России» (Пермь-2004) фильм был награжден дипломами Оргкомитета и Комитета Пермской областной общественной организации ветеранов военно-морского флота «Бескозырка» и был показан по областному телевидению. Фильм создан по заказу Правительства Вологодской области.

По заказу Администрации г. Вологды в мастерской создан цикл фильмов «Признание в любви» - о живущих ныне Почетных Гражданах города (рабочих и учителях, врачах и художниках, писателях и артистах, ученых и чиновниках).

Для областной филармонии в 2004 году Владимир Кудрявцев снял фильм «Иду по светлому лучу...» («Санкт-Петербург. Последний год жизни» и «Вологда. Жизнь после смерти»). Фильм о выдающемся композиторе двадцатого века Валерии Александровиче Гаврилине, с которым Владимир Кудрявцев был знаком лично. Презентация его прошла в Представительстве Вологодской области в Москве и в Музее Валерия Гаврилина в Вологде.

В год 70-летия поэта Николая Рубцова (2006 год) по заказу Тотемского музейного объединения создан фильм «Подорожники». Это фильм о жизни, которая вершится по обе стороны старой дороги, по которой от пристани до детского дома в селе Никола семилетний Коля Рубцов шел пешком осенью 1943 года. Автор прошел её 25 км спустя 63 года.

В основу документального фильма «Кзаки» в год 100-летия М.А.Шолохова легли материалы, привезенные автором из станицы Вешенская и столицы донского казачества города Новочеркаска. Всего подготовлены два фильма об участии казаков Вологодского казачьего отдела в Больших кругах в Новочеркасске, Самаре и Москве (в 2005 – 2007 годах);

Фильм был показан по городскому телевидению.

«100 000 миль и 500 километров» - фильм о судьбе подводной лодки «Б-440».

Вместе с ней автор совершил мирный переход по рекам и озерам Северо-Запада от Кронштадта до Вытегры, где «лодку-музей» поставили на вечную стоянку.

По заказу Администрации Вытегорского района был создан и второй фильм – «**Морские традиции вытегорцев**».

В 2008 году автор закончил работу над документальным фильмом «**Великий град русский**». Это фильм об истории и гражданах города Великий Устюг, об его архитектуре, об уникальных ремеслах и промыслах.

В 2005 году по областному телевидению демонстрировался фильм «**Школа жизни**», созданный к 25-летию Вологодского института права и экономики.

В «Творческой мастерской Владимира Кудрявцева» за шесть лет её существования созданы и другие документальные фильмы:

«**Это наша с тобой биография**» (к 100-летию старейшего на Вологодчине вагоноремонтного завода);

«**Ключи от сердца**» (о социальных работников) - по заказу Департамента труда и социального развития;

«**Мир вашему дому**» (о встречах артистов с ветеранами войны в год 60-летия Победы) – по заказу областной филармонии имени В.А.Гаврилина.

«**Мода – от народа?**» - о народном костюме Вологодской области (Великий Устюг, Никольск, Тарнога, Липин Бор, Шекснинский, Череповецкий и Вологодские районы).

«**Тотьма – город музеев и мореходов**» - фильм о Тотьме.

Издательская деятельность.

С сентября 2003 по сентябрь 2005 года работал шеф-редактором журнала «Пятницкий бульвар» (Вологодский край: история и современность).

В 2004 году по итогам Всероссийского конкурса «Журналистика. Культура. Общество» журнал стал Лауреатом в номинации «Профессиональный проект» и вошел в пятерку лучших региональных изданий России.

Два года (2008-2009) был шеф-редактором областного журнала «Вологодская афиша» (дайджест культурной жизни), издаваемый Вологодским областным информационно-аналитическим центром культуры.

В год 70-летия поэта Николая Рубцова подготовил к печати буклет «Школа моя деревянная» для Тотемского музейного объединения и буклет о композиторе Валерии Гаврилине для Областной филармонии.

Выступал в качестве редактора при подготовке к изданию следующих книг: поэтических книг Татьяны Коротковой «Двиница» и «В бабушкином царствии»; Э.А.Кирилловой «Очерки музыкальной жизни» (2005 год); поэтического альманаха «Семизерье» (п. Кадуй) – 2007 год.

В качестве автора текстов - к буклету «Великий Устюг», «Тотьма и тотьмичи» и буклету об истории музыкальной школы № 4 г. Вологды.

Владимир Кудрявцев - член редколлегии серии историко-краеведческих альманахов «Старинные города Вологодской области» (издано более 40 томов), у истоков которого он стоял, работая начальником Департамента культуры Вологодской области.

СОВРЕМЕННОСТИ О ТВОРЧЕСТВЕ

Владимира Кудрявцева

...Прощаясь со вчерашним днем, мы думаем о тех, за кем будущее. О немногих из нынешних молодых успел я написать: В.Шириков, Р.Балакшин, А.Драчев... А завтра будут М.Карачев, А.Цыганов, В.Кудрявцев и кто-то еще. Тайною, неожиданностью и дорога литература: тем самым и каждого из нас она зовет в мир еще никому неведомого...»

Литературный критик Василий ОБОТУРОВ (Вологда)

«...Поэтическая Вологда полноводна и радужно разнообразна. Тут и традиционный, помнящий всё доброе Юрий Леднев, и нежнолирическая, романсовая Нина Груздева, и восторженно вдыхающий дым Отечества Владимир Кудрявцев, и блеснувший ярким талантом и рано ушедший из жизни Николай Дружининский...»

«На рубеже эпох». Из итогового документа выездного секретариата Союза писателей России в Вологде 9-10 декабря 1999 года.

«...Спешу поблагодарить тебя за твою прекрасную книгу, которую я читаю с радостью за тебя, за твой талант – чуткий и бережный к самому главному и хрупкому в жизни – к любви, к детству, к нашим незабвенным старикам!..»

У тебя есть стихи, которые обязательно войдут во все антологии русской поэзии. Для меня это совершенно очевидно и ясно. Стихотворения «Щекочет утро нос дымком...», «В день Победы», «Подснежники», «Зимним вечером» так хочется, чтобы читали и знали дети. Это настоящее, это классика чувства, доброты, любви, благодарности. Такое не растет на пустырях городских, а только в затишке деревенского детства, которые ты воскресил и даришь людям. Низкий тебе поклон за верность родной земле, родным людям, русской поэзии...»

Писатель и журналист Дмитрий ШЕВАРОВ
(Москва)

«...Русскую боль не только слышит – в себе несет Владимир Кудрявцев.

Он идет тем самым путем, которым задолго до него прошли в наших местах Ключев, Ганин, Яшин, Рубцов. В этом смысле в Вологде не только молодым авторам, но и опытным мастерам нелегко утверждать свою стезю в русскую поэзию.

Уж очень высоко предшественники наши подняли мужество и силу поэтической правды.

Но Владимир Кудрявцев не робеет, идет этим же путем... Поэзия для Владимира Кудрявцева - сопутница его дорог, повязанная ситцевым платком и опоясанная ветром разлук...»

Поэт Александр РОМАНОВ (Вологда)

«Ровные, крепкие стихи Владимира Кудрявцева читаются легко и оставляют после себя чувство ясности и чистоты...»

Поэт Григорий Калужный (Москва)

«...Володя Кудрявцев был начальником Департамента культуры Вологодской области. Мало кто знал исторические достопримечательности вологодской земли так, как он, и мало кто умел рассказать о них с таким чувством личной причастности – и Владимир Андреев и Борис Морозов, известные московские режиссеры, и ваш покорный слуга, приехавшие на театральный фестиваль «Голоса истории», слушали его как замороженные.

А потом Володя Кудрявцев подарил мне свою поэтическую книжку «Мы рубим дом», и, признаться, я открыл её не сразу: книг много, времени мало, а хороших людей все-таки больше, чем хороших поэтов. Но все же открыл – и хочу поделиться своим открытием.

...Уж легче бы тогда
Похоронить всех разом.
И дело бы с концом,
И меньше бы хлопот.
Не добровольно, нет,
А строго по указу:
Ведь он у нас такой

Послушливый народ.
Похоронить бы всех,
Кто слаб, убог и болен,
Кто отпахал свое,
В ком не осталось сил.
Похоронить бы всех -
Такая, видно, доля
Всех тех,
Кто не сумел
Вписаться в новый мир...

Интонация нервная, взвинченная, а какой здесь еще быть? Мы рубим дом – ставим ли, рушим ли?

Но вот не о том, что нынче болит, не давая даже короткого умиротворения, а о прожитых годах и о своих личных взаимоотношениях со временем – и меняется интонация, решительно меняется...

За сердце рукой не держись.
Не верь разговорам и слухам.
А коль не заладилась жизнь –
Не падай в отчаянье духом.

Вчерашнюю боль не тревожь.
Себя понапрасну не мучай.
Мы жили не плохо – и все ж
Могли бы, наверное, лучше.

Спокойней могли и дружней.
И были бы, верно, богаче.
Но жизнь – что поделаешь с ней? –
Сложилась не так, а иначе.

Не так, как у справных людей,
У тех, кто так счастливы с виду.
Но ты ни о чем не жалей,
Тем более им не завидуй.

Скажи, кто доволен судьбой?
Но завтра, в мороз или слякоть,
Нам будет, что вспомнить с тобой,
О чем пожалеть и поплакать...

Слышите? Уравновешенность и душевный покой. Всё, что было, - было со мной...»

«В лирике своей, как и в жизни, поэт тоже говорит негромко...

Многие строки Владимира Кудрявцева звучат трагически, он все время возвращается памятью в прошлое, когда жизнь, быть может, была трудней, но в ней было больше лада, ощущения полноты и смысла. Сейчас человек при внешнем благополучии часто мучается многими вопросами: Зачем? Где истина? «Откуда мы все и куда»?

Вообще-то, похоже, что В.Кудрявцев и его лирический герой знают, откуда многие беды произошли. Оттого, что нарушена связь времен, поколений, прерваны традиции.

Это прослеживается по строчкам лучших стихотворений...»

Поэт и критик

Вячеслав БЕЛКОВ (Вологда)

«...Тем-то и хороша жизнь, что все познается в сравнении, в открытии неизведанного. Владимир Кудрявцев постепенно переходит в своем творчестве к стихам философского плана, притчам о жизни. Хорошая начитанность, возраст, несуетное внимание к повседневности вытесняют из его поэзии прежний интерес к нехитрой зарисовке, эскизному движению души, скромному пейзажу. Как сказал Твардовский: «И едва ли не впервые ощутил и я в душе, что не мы уж молодые, а другие уже».

Давно наступила зрелость - время сбываться предьявленным к тебе надеждам...»

Писатель и публицист Вадим ДЕМЕНТЬЕВ (Москва)

«...Передо мной сборник Владимира Кудрявцева «Венцы»...

Как критик-профессионал, вначале я перелистал сборник. И невольно почувствовал магическую силу не только отдельных строф, но и целых стихотворений.

...Наша критика охотно и многоречиво любила рассуждать на тему о том, что литераторы и конкретно поэты «оторвались от корня», а посему не знают нашей действительности, не видят истинных героев...

И так далее, и тому подобное.

Сборник Владимира Кудрявцева как бы перечеркивает эти критические домыслы. Ибо автор не только владеет пером, но в буквальном смысле - всем инструментарием плотника и столяра...»

Писатель и литературный критик
Валерий ДЕМЕНТЬЕВ (Москва)

«...О чем бы ни говорил он в своих стихах - о своем детстве, отрочестве и юности, о родных и близких, о любви, о самом себе или же о судьбе родины - ему веришь. Веришь доверительной, страстной и взволнованной интонации. Потому что это голос самой души.

Владимир Кудрявцев - поэт русский, плоть от плоти великой и горестной России, о судьбе которой он, как и всякий истинно русский, искренне болеет, видя ее необозримые страдания, но - что самое главное - видит свет и ясность и готов за все это в меру своих сил вложить свой поэтический талант...»

Писатель
Александр ЦЫГАНОВ (Вологда)

Развитие литературного дарования Владимира Кудрявцева идет неторопливо и естественно... Он давно и основательно кладет добротные поэтические венцы в основание задуманного дома, где читателю живется и тепло, и тревожно, как на всей нашей многострадальной земле.

Многозначительно звучит заключительная строфа заглавного стихотворения книги «Венцы»:

Сошло в работе
Сто потов.
И вот смотрите –
Дом готов!
Он – как игрушка!
И понял я уже потом,
Какое счастье
Строить дом,
Живя в избушке...

Эти стихи сразу настраивают на философский лад, призывают понять боль и радость автора, рождают чувство доверия к нему.

Кстати, сопереживание и доверие сопровождают читающего книги Кудрявцева на всем пути. А это – в наше беспощадное время – немаловажно.

Владимир Кудрявцев не только хорошо знает крестьянский быт, но и болеет им, старается облегчить теплым словом участь односельчан...

А в последних стихах появились и зазвучали гражданские, строгие интонации, определилась и отстоялась авторская позиция – мужественного человека, патриота, борца...

Поэт

Виктор КОРОТАЕВ (Вологда)

«...Разговор о поэзии Владимира Кудрявцева, представленный в альманахе «Литературная Вологда», хочу закончить одним стихотворением (привожу полностью). Вологда может гордиться, что он было написано именно в ней. В конце второго тысячелетия.

В поселке ночь.
Ворота на замке.
На мокрых ветках
Сальный отблеск окон.
Горит звезда
В туманном далеке.
Ей,
Как и мне, -
Светло и одиноко...»

Литературный критик

Алексей ШОРОХОВ (Москва)

«Знайте же, что ничего нет выше и здоровее, сильнее и полезнее, чем хорошее какое-нибудь воспоминание, вынесенное из детства. Если много таких воспоминаний, то и спасен человек.

И даже одно только воспоминание от великого зла удержать может. И самый жестокий из нас одумается и скажет – «Да, я был тогда и добр, и смел, и счастлив...»

Так отзывался Ф.М.Достоевский о самом дорогом, что храним мы бережно, с любовью всю свою жизнь – воспоминания о детстве. И как бы ни складывалась наша жизнь, мы всегда сверяем свои поступки с началом своего жизненного пути. В общем, все мы родом из детства.

Уверен, что книга В.Кудрявцева «Град Китеж» не может не взволновать каждого, кто её прочитает. Она великая помощница по возвращению нас в детство. В.Кудрявцев – настоящий поэт в обыденном, окружающем нас мире. Скучно, когда сморишь на лужу. Но когда видишь в ней отражение луны, то не до скуки.

Вот, например, самая простая и знакомая всем картинка из жизни. Стоят веточки в вазе. Однако, гляньте-ка, как они стоят у В.Кудрявцева: «...веточки тополя, похожие на куриные ножки. Клейкие почки цвета темного пасхального яйца набухли и, дразнясь, высунули на волю нежные зеленые язычки». Во как!

Вся его книга украшена такими великолепными поэтическими образами. Когда вы прочитаете книгу, то уверен, увидите мир, который нас окружает, в самых светлых и добрых тонах. И если даже в тот час за окном будет моросить нужный дождь, а Небеса будут скрыты от вас серыми скучными тучами, в вашей душе поселится солнышко, которое осветит и обогреет вас и окружающий вас Мир...

...Его стихи на меня так влияли, как жизнь влияет на смертного. И если я скажу о том, что он, т.е. стихи его спасли Человека (я так думаю, что не одну душу), то я ни сколько не солгу (не совру). Я стараюсь делиться своими открытиями с тем, кто рядышком. И вот кто при мне читал его стихотворения, тот их принимал так (как из себя). Еще раз спасибо ему...

Читатель Юрий ГРЕБЕНЁВ
(Вологда)

«...Всё еще не могу отделаться от чувства причастности к событиям, что описаны Вами в «Граде Китеже». Простите меня, но там есть многое из деревенской моей жизни. Герои, конечно, совершенно другие, но характеры и поступки их во многом схожи с характерами и поступками мужиков и женщин из деревни – родины моего отца. Пахнуло на меня со страниц книги и деревенскими буднями, и праздниками, и скорбными днями войны...

И всё ладно вышло с языком повествования. У каждого героя своя манера говорить, свои, только его, интонации в голосе. Почему бы Вам не прислать мне книгу Вашу. Я бы её отдал в детскую библиотеку, а? Подумайте. Так думают и те мои товарищи, кто уже прочитали «Град Китеж...»

Читатель Иван ЗАРОДОВ
(Чагода)

Книгу Владимира Кудрявцева «Град Китеж. Лирические рассказы о детстве» я прочитал с радостью.

Это чувство не покидало меня с первых её страниц и до последних, написанных автором своих детских воспоминаний, где каждая глава – маленькая лирическая новелла о далеких и милых каждому человеку годах детства.

Читая эти новеллы, я и сам невольно переносился в свое детство, переживая заново, как и герой рассказов, и светлый день рожденья и страх перед неведомой темнотой овина.

Удивительно, как точна в деталях память Владимира Кудрявцева, но замечательно, что помимо деталей она наполняет воспоминания романтическим отношением к эпизодам того благодатного возраста, когда человек еще только начинает осознавать себя в окружающем мире, в который он явился, чтобы жить в нём и чувствовать его.

Но детство – это еще и настоящие «университеты» жизни, где человек получает первые знания истории родной земли, на которой он живет, когда дед Михаил рассказывает внуку о его земляке Иване Сусанине или зимним вечером учит его щипать шерсть для валенок, бить шерсть в бане, давая практические уроки крестьянского труда.

Обо всем этом и о многом другом написано хорошим русским языком.

Чувствуется, что писал рассказы поэт, лирично и образно описывая окружающую его в детстве природу: окрестный лес, подснежники или водополь.

Вот, например, как описано первое свидание с большим лесом в рассказе «Лесное эхо»:

«Надо мной гудели мощные кроны и там, где они переплетались, образуя над головой крышу из темных еловых лап и серебристых листьев, неясно сквозил спокойный неземной свет...»

Также зримо описание июньского вечера, радуги и неведомого Залесья в рассказе «Страна Залесье» или раннего зимнего утра в новелле «Бабушка».

С большой любовью и «памятью сердца» Владимир Кудрявцев рассказывает в своих новеллах о дедушке Михаиле и бабушке Анне – этих великих и простых русских тружениках и заботниках, справедливо и точно замечая: «Я смотрел на бабушку и жалел её. Я не видел, когда она отдыхала».

О, сколько людей может сказать так же о своих дедах и бабушках!

А рядом с ними автор дает портреты своих друзей детства, деревенских соседей и других своих земляков, воссоздавая детской памятью их судьбы и характеры.

О книге лирических рассказов из детства Владимира Кудрявцева еще много можно говорить, но лучше её прочитать.

Говорят, что человека никогда не перестанут волновать необратимые явления жизни. Наверно, потому-то и испытываешь светлую грусть при расставании с книгой «Град Китеж», чего я желаю всем, кто будет её читать.

Писатель

Александр ГРЯЗЕВ (Вологда)

Автор нескольких поэтических сборников представил на суд читателя свою первую книгу прозы. Это воспоминания о детстве, прошедшем в маленькой костромской деревне на родине Ивана Сусанина. Герои рассказов – сверстники будущего писателя и односельчане.

Удивительно точна в деталях память автора. В рассказах заметно его романтическое отношение к происходящему, чувствуется, что писал их поэт: «Уже и закат отгорел над дальним холмом, а я всё сижу на пороге родной избы и слушаю, как шуршит о штакетник прошлогодняя крапива. Точно так, как в марте метель шуршит по ледяной корке наста...» Бережно воссозданы подробности деревенской жизни в рассказах «Овин», «Водополь», «Сенокос», «Пастушня».

Поэт и литературный критик

Борис ЛУКИН (Москва)

«Дорогой Владимир Валентинович!

В нашем доме появилась Ваша книга «Венцы. И я прочла её не потому, что советовал Юрий Макарович, а по чутью: земляк земляка видит издалека. Я давно об этом знаю и слежу за Вашим ростом. Вы идете по лесенке служебной удачно, уверенно, как мне раньше казалось.

И кто бы мог подумать, сколь трудна эта лестница жизни в Ваших стихах.

Какая честная и чистая, какая трудная для понимания многих. Вы не боитесь открыть самые потаенные уголки души. Грусть и тоска, испытанные на родной костромской земле, так мне близки и понятны. Боль за Россию, её горькую долю вызвали в моей душе ответную боль.

Но я никогда бы не осмелилась доверить это бумаге. А Вы превосходно сделали это и подкупили меня искренностью Ваших чувств.

Это настоящая поэзия! Поверьте, я очень рада Вашему успеху, и думаю эту радость разделят многие вологжане, узнав Вашу книгу.

«Инерции» я не вижу в стихах. Вы боретесь болью и кровью сердца с вывихами жизни нашей. Разве не мужество – сказать о беде поколения, оказавшегося на развилке жизни и не нашедшего себя в её круговороте: «Сколько ж нас, обманутых судьбой, в городах – без племени, без роду?!»

Стихи Ваши исповедальны, и в этом их сила. Дай Бог, чтобы в распахнутые дверцы Вашей души вошел добрый читатель и понял бы Вас и оценил по достоинству.

А я желаю Вам новых поэтических откровений, новых книг. Они будут, я верю в это. Спасибо. Пишу и вижу Ваш внимательный взгляд и добрую улыбку. Это хорошо.

С уважением

Надежда Сергеевна ЛЕДНЕВА. 6/11-93. г. Вологда».

«Здравствуйте, Кудрявцев Владимир Валентинович!

Вам пишет Пересыпкин Пётр Петрович, г. Ставрополь. С Вашим творчеством моё знакомство состоялось благодаря семье Ушановых, Рудольфа Павловича и Ольги Ивановны. Их любовь к поэтическому слову глубока и активна. Они популяризуют творчество Николая Рубцова и других вологодских авторов. Мне выпало счастье бывать в их семье, вести беседы о стихах и прозе. Просветительский жар семьи мне по-своему близок и мил.

На одном из семинаров при литературном объединении «Современника» я раздал копии стихотворения А.Пушкина «Арион» и на произведение В.Кудрявцева «В Иудейской пустыне». К членам ЛИТО обратился с предложением: подготовить сравнительный анализ на основе данных двух стихотворений. Коротко остановить внимание на том, что общее лежит в драме стихотворений, и в чем, может быть, авторы расходятся?

На следующем занятии, естественно, у нас состоялся разговор по заданной теме. В общих чертах мы говорили об особенностях решения по каждому произведению. Мнения были высказаны разные. После занятия ко мне подошел молодой автор Эдуард Прудников. Он передал рукопись «Под покровительством Апполона».

На заседании редакционной группы мы обсудили её. Были замечания. Автору рекомендовали шире осветить и углубить анализ стихотворения «В иудейской пустыне». После доработки по замечаниям раздумья автора были приняты к публикации в альманахе «Голос «Современника».

Моё мнение о данном произведении совпадает с авторским выражением: «Понявший смысл «Ариона» согласится со мной, что «Иудейская пустыня» – это его современная интерпретация, сохранившая смысл оригинала и его идею». Взгляд Э.Прудникова мне дорог: важно то, что сказал А.Пушкин - «Я гимны прежние пою» - остается и ныне. Каждый поэт готов повторять это своим самобытным, как утверждал Баратынский, словом, выразить чаяния и дух времени.

Слово волнует...

Письмом высылаю первый номер альманаха «Голос «Современника». Естественно, нам было бы интересно услышать мнение Кудрявцева Владимира. Ваше слово о работе Эдуарда Прудникова «Под покровительством Апполона». Тем более, что автор работы студент заочного отделения при Ставропольском государственном университете, учится на четвертом курсе, будущий филолог.

«О лирических рассказах о детстве («Град Китеж»).

Слог письма и выразительность небольших рассказов очень хороши: «Полежи, духонька моя, погрейся». Или еще: «Его тусклый свет, отраженный от оконных стекол, чуть оживал на тугих связках лука с распушенной золотистой шелухой и скрадывал ночные сумерки».

Таких волнующих мгновений, находок авторских в рассказах очень много. Рассказы в их житейском драматизме («поломаные машинки», «ночной поход», сенокос) и с подробностями крестьянской жизни обжигают душу и читаются с интересом. Их хочется читать и перечитывать. Эта книга, естественно, станет одной из тех, к которым я буду возвращаться, читать и думать, радоваться и любить...»

Ваш читатель

Петр ПЕРЕСЫПКИН, 22 марта 2009 года.

г. Ставрополь

«Здравствуйте,

уважаемый Владимир Валентинович!

Рассказы прочитала на одном дыхании от первой до последней страницы. Благодаря им, я окунулась снова в детство, полежала на русской печке, послушала, как потрескивают дрова, как отблески огня «бьются на оконном стекле,

шевелиются на черных шершавых боках чугунов, плещутся в ведрах и расцветчивают бабушкины щеки...»

Как всё живо и родно!!

Спасибо Вам, дорогой Владимир Валентинович за подаренный праздник души! Низкий Вам поклон за это.

А какой кристально чистый русский язык! К Вашим книгам хочется вновь и вновь возвращаться и перечитывать. Они всегда (как и сб. стихов «Мы рубим дом», ранее подаренный) лежат на видном месте рядом с книгами таких поэтов, как Ольга Фокина, Николай Колычев, Николай Зиновьев и некоторых других.

Вы настоящий русский поэт и прозаик! И еще – очень понравилось оформление книг: строго и со вкусом. А фотографии на обложках – просто несказанная радость. Вообще, содержание книг и оформление – всё на высшем уровне.

Путь Бог не оставит Вас без своей милости!

Ольга АЛЕКСАНДРОВА, г. Вологда.

«Здравствуйте, Володя!

С большим интересом прочла Ваши новые стихи, которые глубоко пронзили меня не только искренностью и сердечностью, но и потрясли зрелостью мысли.

Судя по этим стихам, Вы что-то сильно пережили. Ведь только в страдание и прозревает наша душа. Ваше сердце отзывается болью и состраданием к миру и людям. А это говорит о многом. Ваши стихи короткие, но насыщенные мыслью. Дорого то, что исходит от сердца. Читателя не обманешь. Пишите только о том, что пережито, что дорого и близко Вам.

Берегите в себе этот Божий дар, как самое ценное сокровище. Уверена, что Ваши стихи не залежаться на магазинных полках.

Да будут благословенны пути Вашего творчества!

С уважением М.ФАТЕЕВА. 7 мая 1989 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Стихи. Главы из поэмы «Подорожники». В сборнике «Молодые голоса Севера». – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1982. (с.5-32).
2. Стихи. В журнале «Молодая гвардия», № 7, 1986, с.3-6.
3. Стихи. В книге «Вологодские зори». – «Современник», Москва, 1987. (с.261, 342).
4. Стихи. В книге «У северных широт» (стихи молодых поэтов Костромской, Вологодской, Ярославской, Архангельской и Мурманской областей). – Москва, изд-во «Современник», 1987. – с. 79-81.
5. Стихи. В альманахе «Поэзия», № 49, Москва, 1988, с.85-88.
6. Стихи. В сборнике «Мы рубим дом». – Архангельск: Сев.-зап. Кн. изд-во, 1990. (с. 3- 56).
7. «Венцы». Стихи и поэмы (предисловие Виктора Коротаева). – КИФ «Вестник», Вологда, 1992. – 222 с. (художник Э.Фролов).
8. «Алевтинин ручей» (стихи, посвященные матери). - Изд-во «Ардвисура», Вологда, 1996. – 71 с.
9. Стихи. В книге «Вологодский собор» (литературно-художественный альманах писателей-вологжан»). – Вологда, 1995. – с. 152-155.
10. «Благословение». Стихи и поэмы. Серия «Вологда – XX век». – Вологда, 1999. – 43 с.
11. Стихи. «Роман-газета XXI век». – Москва, 2000. – с.51.
12. «Заклинание». Стихи (с предисловием Александра Цыганова, худ. Э.Фролов). – Вологда, 2000. – 52 с.
13. Стихи. В книге «Литературная Вологда». – Вологодская писательская организация, 2001. – с. 37-48.
14. «Пророчество кукушки». Стихи (художник Э.Фролов). – Вологда, 2002. – 90 с.
15. Стихи «Испанская тетрадь» (рисунки Надежды Черкасовой). В журнале «Мезон», № 2, Вологда, 2002, с.20-24.
16. Поэма «Исход». В журнале «Двина», №1, Архангельск, 2003, с.46.
17. Стихи. В журнале «Двина», №2, Архангельск, 2004, с.47.
18. «Исповедальный день». Стихи (художник М.Копьев). – Вологда, 2003. – 134 с.

19. **«Времена года»**. Стихи (худ. Н.Черкасова). – Вологда 2003. – 151 с.
20. **«Мы рубим дом»**. По страницам книг (худ. М.Копьев). – Вологда, 2003. – 271 с.
21. **Стихи. В альманахе «Академия поэзии»**. – Москва, 2007. – с. 275-276.
- 22 **«Град Китеж»**. Лирические рассказы о детстве. Худ. А.Башкиров. – Вологда. Изд-во «Книжное наследие», 2007. – 167 с.
23. **«Осень света»**. Стихи разных лет. – Вологда. Изд-во «Наше поколение», 2008. – 316 с.
24. **«От имени поколения»**. Письма в прошлое, настоящее и будущее. – Вологда. Изд-во «Наше поколение», 2008. – 540 с.
25. **«Спасибо, жизнь, за свет и за любовь. Валентин Кудрявцев (записки о времени и о себе с комментариями сына)**. - Вологда, 2009. - 173 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.Смолин. Владимир Кудрявцев.....	4
Примечания.....	75
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
В.Белков (Вологда) «Душа молчит. Душа кричит».....	80
Э.Прудников (Ставрополь) «Под покровительством Аполлона».....	84
Материалы к биографии	94
Современники о творчестве В.Кудрявцева.....	98
Библиография	110

Андрей Петрович Смолин
ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

Редактор – А.Цыганов
Корректор – О.Алексеева
Компьютерная верстка – М.Сорокина

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Зак. № 385. Тираж 500 экз.

СУДЬБА

Я славлю холм, пою избу,
Родник и бабушкины кросна.
От печки русской, как в судьбу
Я погружался в русский Космос.

Жить век у бездны на краю -
Откуда в нас такая сила?
На пепелище я стою,
А чувство - будто в центре мира...